

18+

Rin!

Санктумор

«Автор»

2026

Rin!

Санктумор / Rin! — «Автор», 2026

Далёкое будущее. Мир, разорённый «красной хмарью», — заразой, изменившей саму суть жизни. Природа обратилась против человека: леса кишат мутантами, небеса бороздят драконы, а легионы одержимых стирают поселения с лица земли. Но в проклятии таится и дар — «Алый Поток», древняя энергия, подвластная лишь избранным — операторам. Кибела, оператор с пробуждающейся силой, стоит перед выбором, от которого зависит судьба человечества. Пойти ли за Культом, обещающим спасение и лекарство от хмари, или довериться Герхарду — жестокому диктатору, чья власть держит мир на краю пропасти? Каждый шаг приближает её к правде, страшнее любых кошмаров. И когда две силы столкнутся, именно её решение может либо возродить мир, либо стереть его в пыль. История является сиквелом книги "Первые". Можно читать без ознакомления с предысторией.

© Rin!, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Неназванная.	5
Глава 2. Ярость и вина.	9
Глава 3. Засада.	13
Глава 4. Чистая.	19
Глава 5. Подземелья.	23
Глава 6. Новый Рай.	29
Глава 7. Новый мир, старые раны.	34
Глава 8	40

Rin!

Санктумор

Глава 1. Неназванная.

«Убить бога было бы так просто. И так бессмысленно. Как бросить камень в океан и ждать, что он изменит течение — будто бы сущность, сотканная из веры и страха, может исчезнуть от удара клинка. Страдания — не его замысел. Он не творец, а хранитель равновесия, которое существовало задолго до его появления. Но иногда, в моменты тишины, эта мысль всё равно приходит: вдруг... вдруг, если его не станет, мир вздохнёт свободнее? Хотя я понимаю: боль никуда не денется». Анат.

Воздух трущоб был пропитан смрадом гниющих отбросов и приторной вонью горелых тел заражённых. Узкие улочки между покосившимися лачугами были завалены мусором, под ногами хлюпала грязная жижа. Над головой — рваные клочья неба, проглядывающие сквозь сплетение проводов и ржавых конструкций. Где-то вдалеке раздался вой заражённых — похоже, очередная стая вышла на охоту.

В самом сердце трущоб, в здании, некогда бывшем складом, расположился притон «Без слов». Его вывеска была покрыта коркой красной плесени. Внутри царил полумрак, пронизанный дымом благовоний и потом.

Она сидела в углу тесной комнатухи, подтянув колени к груди. В тот день ей стукнуло четырнадцать, но выглядела она младше — слишком худая, с огромными глазами на измождённом лице. На руке виднелся свежий синяк: очередной клиент оказался грубым. Вдруг за дверью послышались голоса, топот ног, чей-то крик. Она внимательно прислушалась: мат, лязг железа, ругань.

Внезапно дверь с грохотом распахнулась. В комнату ворвались трое в кожаных доспехах и саблями в руках. Их лица скрывали тканевые маски, на которых виднелись следы свежей крови.

— Дитя, мы не причиним вреда. Ты идёшь с нами, — сказала женщина.

— Быстро-быстро уходим! — заверещал второй, самый высокий.

Внезапно в коридоре появился хозяин заведения, размахивая пистолетом.

— Вы что творите! Это моя собственность! — заорал он и направил оружие на людей.

— Уже нет, — тихо сказал третий незнакомец и воткнул ему в подбородок лезвие кинжала, так что остриё теперь торчало из темени. Тот выронил оружие и повалился на пол.

Они побежали по лабиринту улочек. Девочка едва успевала переставлять ноги. Вокруг — хаос: крики, вой, запах гари. Где-то на окраине одержимые; завязался бой с местными, очередная вспышка красной хмари: зараза просачивалась из трещин в земле.

Пробегая мимо лачуги с разбитым окном, девочка мельком увидела своё отражение в осколке зеркала и остановилась. На мгновение её глаза вспыхнули алым светом. Женщина заметила это и обменялась быстрым взглядом с товарищами.

— Она... — начал высокий.

— Мы не ошиблись, всё идёт лучше, чем ожидалось, — перебила его женщина.

Девочка не понимала, о чём они говорят, но страх перед борделем сменился новым страхом — перед этими людьми и их планами.

Они добрались до окраины трущоб, где были привязаны их лошади с причудливыми рогами; оседлав их, они ринулись прочь.

* * *

Девочка очнулась в комнате с каменными стенами. В воздухе витал запах ладана и пороха, будто рядом хранили оружие. Мягкий свет масляной лампы дрожал на потолке, отбрасывая пляшущие тени.

Рядом сидела женщина из тех, что спасли её из притона. Она заметила, что малышка открыла глаза, и улыбнулась — тепло, но с затаённой напряжённостью.

— Ты в безопасности, — сказала она. — Меня зовут Татьяна. А как твоё имя?

— Я?.. — прошептала девочка, всё ещё не до конца понимая, где она и что происходит. — У меня нет имени. Все звали меня Неназванная.

— Значит, ты из изгоев? — покачала головой Татьяна. — Как тебе имя Кибела?

Девочка улыбнулась и кивнула.

— А где я? — спросила она.

— Это здание — древняя заброшенная церковь, — сказала женщина, — одна из наших подпольных баз. Мы — Культ Прародительницы, — с гордостью добавила она.

— Зачем вы спасли меня? — спросила Кибела, хлопая ресницами.

— Твоя кровь особенная, — сказал мужчина с длинными седыми волосами, стоявший у окна. — В ней есть великий потенциал силы, что мы называем Алым Поток. Ты — одна из потомков вымершей расы новой породы, оператор. Ты можешь не просто сопротивляться хмари — ты можешь её контролировать.

— Измаил! Не напирай! И что ты вообще тут делаешь? — проворчала Татьяна.

Мужчина только облокотился на подоконник и уставился в окно, за которым царилась ночь.

Девочка невольно сжала руку в кулак. Она вспомнила, как в тот миг, когда увидела своё отражение, её глаза вспыхнули алым.

— Мы дадим тебе кров, еду, заботу, — мягко добавила женщина. — Обучим всему, что знаем. Но взамен мы должны изучить твою силу. Возможно, именно из неё мы создадим лекарство, что спасёт остатки человечества от проклятой заразы!

Кибела замерла. В голове крутились мысли: свобода, безопасность, возможность не бояться. Но и страх. Страх перед новыми экспериментами, перед болью, перед тем, что они могут отнять у неё.

Она подняла взгляд на женщину, затем на мужчину. В их глазах не было злобы — только надежда. И что-то ещё. Отчаяние.

— Хорошо, — тихо сказала она. — Я согласна.

Женщина улыбнулась шире, подошла и осторожно положила руку ей на плечо.

— Спасибо. Ты даёшь нам шанс.

* * *

Тренировка проходила в подвале церкви, где было достаточно места, чтобы не бояться случайных разрушений. Стены украшали изображения женщины в ореоле алого света — Прародительницы. В центре помещения лежал плоский камень, от которого исходило едва заметное свечение.

Татьяна встала напротив Кибелы, сложила ладони чашечкой и сосредоточилась. Между её пальцами заструился тусклый алый дым.

— Видишь это? — спросила она, медленно вращая руками. — Это Алый Поток. Он пронизывает весь мир, как кровь — тело. Большинство людей могут лишь касаться его, создавать слабые чары — например, осветить путь или подогреть воду, как я сейчас. Но это всё равно что пытаться черпать океан чайной ложкой.

Она развеяла дымку и подошла ближе к девочке.

— Операторы же, — продолжила Татьяна, — рождаются с кристаллической матрицей в крови. Они не просто касаются Потока — они становятся его частью. Они могут превращать его в оружие, щиты, даже исцелять. Но есть и обратная сторона: те, кто контактируют с Пото-

ком часто, поддаются красной хмари. Их тела мутируют, разум затуманивается — они теряют свои души.

Кибела внимательно слушала. Она чувствовала, как внутри что-то отзывается на слова женщины.

— А кто такая Прародительница? — тихо спросила девочка. — Вы её так почитаете...
Татьяна подняла взгляд на рисунок на потолке.

— Когда-то давно, — заговорила она, — Прародительница принесла людям силу Алого Потока. Но человечество использовало её во зло, и она наслала красную хмарь как наказание. Однако в пророчествах сказано: она же и исправит содеянное. Ты, Кибела, можешь стать ключом к этому. Твоя матрица откликается на Поток иначе, чем у других. Она не фрагментарна, она цельная.

В этот момент дверь скрипнула, и в подвал спустился Измаил. В руках он нёс поднос с двумя мисками дымящейся каши и куском чёрного хлеба.

— Обед, — коротко бросил он. — Садитесь.

Они расположились прямо на полу, у стены. Кибела осторожно подула на кашу, потом подняла глаза на Измаила.

— Татьяна как-то говорила, что есть кто-то, кто умеет управлять Потокom лучше всех, — сказала она. — Кто он такой, этот человек?

Измаил замер, ложка застыла на полпути ко рту. Он переглянулся с Татьяной — та едва заметно кивнула.

— Человек? Вряд ли. Его имя — Герхард, — медленно начал мужчина. — Он оператор, как и ты. Когда-то их были сотни и даже тысячи, но он уничтожил всех, одного за другим. Боялся конкуренции, хотел стать единственным богом нового мира.

Он отложил ложку и посмотрел девочке в глаза.

— Он покори́л А́лый Поток целиком. Не просто использует — он слился с ним. Может создавать барьеры, способные выдержать удар дракона, превращать воздух в лезвия, воскрешать мертвецов. Раздаёт крохи своей силы приближённым — тем, кого называет адептами Рассвета. Всего их четверо. Они сражаются с одержимыми, держат под контролем города. Но делает он это не из доброты. Герхард хочет быть единственным источником силы — чтобы все зависели от него.

— И он правда может одолеть дракона? — прошептала Кибела.

Измаил усмехнулся, но в его глазах не было веселья.

— Однажды он в одиночку остановил стаю огнедышащих тварей у стен столицы, Стального Града. Поднял руку — и их тела рассыпались пеплом. С тех пор его называют Повелителем Пламени. Но запомни, девочка: его сила — это сила страха и подчинения. Он не исцеляет мир — он ломает его под себя.

Татьяна положила ладонь на плечо Кибелы.

— В тебе же, — мягко сказала она, — есть потенциал для иного пути. Ты можешь научиться исцелять своей силой, а не использовать его для разрушения. Разница не в мощи, а в цели.

Девочка опустила взгляд на свои руки. Она вспомнила вспышку алого света в зеркале притона — и вдруг осознала: она действительно не такая, как все.

* * *

2657 год от рождества Христова.

Кибела резко открыла глаза, тяжело дыша. Сон ещё клубился в сознании — воспоминания трёхлетней давности: «Без слов», новая семья, обретенная сила. Герхард прознал о существовании Кибелы и уничтожил главную базу Культа. Церковь теперь — единственный оплот.

Она поднялась с жёсткой лежанки и подошла к узкому окну, забранному ржавой решёткой. За стенами убежища кипела жизнь военного лагеря. Вдоль периметра тянулся частокol из

обожжённых балок, увенчанный колючей проволокой, а на вышках дремали часовые в защитных стёганных куртках с нашивками Культа. Ружья в их руках блестели в лучах утреннего солнца. У ворот стояли станковые пулемёты на треногах, рядом шныряли техники, проверяя ленты с патронами. Между постройками сновали кузнецы ремонтируя доспехи и клинки, дети таскали ящики с боеприпасами.

Кибела вздохнула и вышла на задний двор. Взгляд невольно скользнул по руинам, окружавшим церковь. Когдато это был город — теперь лишь груды камня и ржавых скелетов, поросшие мхом и колючими лианами.

Она заметила вывеску, что висела на одной петле, покосившаяся и проржавевшая. Буквы «Кофе с» ещё угадывались, хотя последняя часть надписи — «с собой» — осыпалась вместе с кусками эмали. Края вывески покрылись наростами грибка, а под ней валялись осколки керамической чашки, треснувшей пополам. Старики называли это место «уголком тепла» и приносили сюда цветы, не понимая, что это было раньше.

Рядом, валялся металлический столб увенчанный рисунком на квадратном холсте — три белые полосы на чёрном фоне, когдато чётко обозначавшие пешеходный переход. Краска облупилась, оставив неровные пятна, а сам знак треснул посередине.

Чуть дальше, на обломке стены, кто-то нацарапал надпись: «Вася». Рядом кто-то добавил новую надпись углём: «Кто такой Вася?», и этот вопрос оставался без ответа.

Неподалёку возвышался остов древнего механизма — возможно, части подъёмной машины. Его скелет из почерневшей арматуры проржавел насквозь, оставив лишь причудливые изгибы. На него поставили печь для выплавки металла: теперь он служил кузницей, а его рёбра поддерживали очаг.

В стороне стояла каменная глыба с углублением — возможно, часть древнего фонтана или колодца. Её превратили в склад для патронов: в нише хранили мешочки с порохом, картечь и наконечники стрел.

Кибела вздохнула и вспомнила, как Татьяна рассказывала о старом мире:

«Люди ходили по земле, не боясь теней. Они общались через зеркала, что показывали лица за тысячи шагов. Летали в небо на железных птицах. А потом пришла хмарь, и всё это стало просто мусором».

Она смотрела на эти осколки прошлого и думала: «Неужели раньше люди просто жили? Не прятались, не боялись, что завтра придёт враг или стая чудовищ? А теперь даже вспомнить толком не могут, зачем нужна была эта арка или почему знак с полосками указывал путь»

За спиной послышались шаги. Кибела обернулась — в дверях стоял Исмаил. Его седые волосы были заплетены в косу, на поясе висел револьвер с гравировкой «Вера и сталь».

— Опять разглядываешь руины? — хрипло спросил он.

— Да, — она повернулась к нему. — Пытаюсь понять, что мы потеряли.

— Мы потеряли слабость, — отрезал Исмаил. — А нашли силу. Без прошлого нет будущего, Кибела. И сегодня у нас важный день: Герхард направил сюда отряд. Пора показать, что Культ не сломлен.

Он протянул ей кожаный жилет с нашивкой — клинок растущий из руки на чёрном фоне, символ Прародительницы.

— Пора готовиться. Сегодня ты впервые выйдешь на линию обороны.

Кибела молча взяла жилет. Пальцы непроизвольно дёрнулись, коснувшись патча. Где-то глубоко внутри, в сердце, сила Потока отозвалась слабым теплом — словно напоминание: она не просто выжившая. Она — оружие. И, возможно, последняя надежда.

Глава 2. Ярость и вина.

Кибела затянула ремни кожаной брони, ощущая, как под пальцами пульсирует энергия. Измаил стоял рядом, проверяя барабан револьвера.

— Помни: не сдерживайся, — хрипло произнёс он. — Если почувствуешь опасность — используй силу. Это не тренировка.

За стенами церкви раздался дикий вой. На горизонте показались флаги «Алого Рассвета» — державы Герхарда. Красные полотнища с пылающим копьем развивались на ветру. Три огромных огра вырвались из-за деревьев. Их кожу покрывали язвы, из трещин сочился жёлтый гной, разъедающий землю, а изо рта капала вонючая вязкая слюна, которая с шипением падала на камни.

— Мины! — крикнул один из командиров.

Первый огр шагнул вперёд и провалился ногой в замаскированную яму. Взрыв разнёс конечность в клочья — куски мяса и осколки костей разлетелись во все стороны, забрызгав ближайший отряд липкой кровью. Чудовище взвыло, но, не сбавляя скорости, повалилось вперёд, придавив двух бойцов. Один захрипел, рёбра пробили лёгкие; второй беззвучно дёргал рукой, пытаясь выбраться из-под туши.

— Второй ряд! — раздалась команда.

Второй огр прыгнул через минное поле, но сдетонировали сразу три заряда. Взрывы разворотили ему живот — внутренности вывалились наружу, волочась по земле. Он рухнул, дёрнулся пару раз и затих.

Третий, самый мощный, с костяными наростами на плечах и локтях, прорвался к укреплениям. Схватил балку частокола и с размаху ударил по линии обороны. Дюжина солдат отлетела в сторону с такой силой, что головы и конечности некоторых из них при приземлении просто отчленились.

— Баллиста! — заорал Измаил.

Два расчёта натянули тетивы. Снаряды с взрывающимися наконечниками ударили в грудь огра. Первый пробил грудную клетку, второй попал в голову. Чудовище замерло, из ран повалил чёрный дым, раздался взрыв и голова монстра разлетелась ошметками, словно раздавленный арбуз. Огр упал, сотрясая землю.

Войска Герхарда пошли в атаку. Пулемёты застрочили, выплёвывая очереди раскалённых пуль. Солдаты в чёрных доспехах шли цепью, прикрываясь щитами. Одна из пуль, срикошетив от барьера, попала в лицо стрелку на стене — его череп раскололся, и тело безвольно сползло вниз.

Култ отвечал огнём. Лучники поливали врага стрелами со смазанными ядами наконечниками, затрещали пулемёты. Один из вражеских бойцов, поражённый в шею, схватился за рану, его кожа начала пузыриться и плавиться, обнажая мышцы. Он закричал, звук перешёл в хрип, тело рухнуло, дёргаясь в конвульсиях.

Враг прорвался в пролом. Завязался ближний бой. Сталь звенела о сталь, крики смешивались с хрипами и стонами умирающих. Измаил рубился как бесноватый. Его сабля свистела в воздухе, рассекая доспехи и плоть врага. Он парировал удар воина Герхарда, сделал подсечку и вонзил клинок в живот противника. Лезвие вошло глубоко, поверженный захрипел. Измаил рванул меч вверх, распоров брюхо от паха до грудины. Кишки вывалились наружу. Враг упал на колени, хватая ртом воздух, и рухнул лицом вниз.

Татьяна, укрывшись за обломком стены, стреляла из ружья. Каждая дробишка находила цель: глаз, горло, плечо. Но один из вражеских стрелков заметил её и пальнул из арбалета. Татьяна успела отклониться, но край огненного болта задел плечо. Она вскрикнула — ткань обуглилась, кожа покрылась волдырями, часть мышц оголилась.

Кибела, прижавшись к стене, чувствовала, как внутри нарастает жар. Перед ней возник воин в чёрной броне. Его глаза были дикими, клинок дрожал от нетерпения. Он замахнулся — Кибела замерла, парализованная страхом.

В последний момент Измаил бросился вперёд, оттолкнул девочку в сторону и принял удар на свой клинок. Он сделал выпад, противник отступил, но тут же перешёл в контратаку. В ход пошёл револьвер. Выстрел. Глаз солдата выпал из орбиты и упал на землю.

— Держись позади! — крикнул Измаил, парируя удар очередного противника.

Кибела отползла к обломку стены, пытаясь отдышаться. Её взгляд случайно упал на тело Ильи — мальчика, с которым она подружилась всего месяц назад. Он лежал лицом вверх, остекленевшие глаза смотрели в небо, а из груди торчала стрела. Кровь растекалась по земле, смешиваясь с грязью, образуя вязкую лужу.

Желудок свело судорогой. Её вырвало — желчь выплеснувшись на землю. Руки дрожали так сильно, что она не могла сжать пальцы. Перед глазами всё плыло, звуки битвы отдавались в ушах глухим эхом: лязг стали, крики, стоны, хрипы умирающих.

Она закрыла лицо ладонями, пытаясь отрешиться от ужаса вокруг, но запах ударил в нос — густой, металлический запах крови, пота, внутренностей, жжёного мяса. Кибела вдохнула его — и её снова вырвало, на этот раз почти сухо.

«Я не могу... я не готова. Я просто хочу спрятаться» — метались мысли в голове. Она вспомнила бордель, издевательства, боль, унижение. Вспомнила, как Илья однажды принёс ей яблоко. «На, держи, — сказал он, улыбаясь. — Ты же любишь сладкое?»

А теперь он мёртв. Из-за этих людей.

Ярость вспыхнула внутри, словно взорвался вулкан. Жар силы хлынул по венам, обжигая нутро. Кибела подняла голову — её глаза вспыхнули алым светом.

Она вытянула руку вперёд. В воздухе материализовалось багровое копьё — полупрозрачное, окутанное энергией Потока. Кибела схватила его, ощутив, как рукоять идеально ложится в ладонь, как мощь струится по нервам, заменяя страх на холодную, чёткую ярость.

Без раздумий она бросилась в бой.

Первый враг, попавшийся на пути, не успел отреагировать. Копьё пронзило его грудь насквозь, оставив в доспехах оплавленную дыру. Кибела дёрнула оружие на себя — тело рухнуло к её ногам. Она почувствовала, как что-то тёплое брызнуло ей на лицо. Кровь. Чужая кровь.

Второй солдат замахнулся мечом. Копьё в руках Кибелы исчезло в завитке алого дыма — и тут же на его месте возник широкий топор, мерцающий кровавым светом. Она с хрустом вогнула его в плечо врага, пробив доспех и кость, а вторым ударом отсекла голову — она покатила по земле, глаза воина ещё моргали, а рот шевелился.

Третий попытался атаковать сбоку. Кибела развернулась, и топор мгновенно трансформировался в два коротких изогнутых клинка. Один взмах — и руки солдата отлетели в стороны, второй — голова покатила по земле. Кровь фонтаном ударила из обрубка шеи, заливая Кибелу с головы до ног. Она не отпрянула. Наоборот — шагнула ближе, глядя, как жизнь уходит из глаз врага.

Её движения стали быстрыми, нечеловеческими. Магия подчинялась каждому импульсу ярости. В голове Кибелы зазвучал голос, заглушающий все остальные мысли: *«Больше никто не тронет меня. Никто не заставит меня страдать. Я больше не жертва. Я — смерть!»*.

Она рассмеялась — сначала тихо, потом всё громче, истерично. Смех смешивался с криками умирающих, с лязгом железа, со звуками стрельбы.

— Теперь я решаю, кто живёт, а кто умирает! — выкрикнула она, и её голос прозвучал неестественно низко. Её будто подменили.

Алое оружие в её руках снова изменилось — теперь это был двуручный цвайхендер с огромным лезвием. Она взмахнула им, и волна энергии пронеслась по линии врага, оставляя

за собой десяток обугленных тел. Запах гари ударил в нос, но Кибела не поморщилась. Она вдохнула его полной грудью.

Измаил, увидев это, замер на мгновение. Он никогда не видел, чтобы кто-то так свободно управлял Алым Потокком.

— Кибела! — крикнул он, пытаясь пробиться к ней сквозь руины частокола. — Остановись! Ты теряешь контроль!

Но девочка не слышала. Её глаза горели огнём, улыбка стала маниакальной. Она сделала шаг вперёд, готовясь нанести новый удар.

Внезапно что-то изменилось. Поток, бурлящий в ней, на мгновение замер. Кибела моргнула — и на долю секунды увидела себя со стороны: окровавленную, с безумным взглядом, стоящую посреди горы трупов.

Смех оборвался. Силы покинули её. Меч в руках растаял, превратившись в дым. Кибела покачнулась и упала на колени, дрожа всем телом.

Вокруг неё лежали тела — изувеченные, разорванные, обугленные. Кровь пропитала землю. Где-то рядом стонал раненый солдат, пытаясь ползти, волоча за собой внутренности.

Кибела посмотрела на свои руки — они были покрыты чужой кровью, слизью, кусочками плоти. Она поднесла их к лицу, вдохнула запах смерти. И вдруг осознала: она только что убила десятки людей. Не в обороне. Не случайно. Она наслаждалась этим.

«Что... что я наделала? — прошептала она. — Я... я же не такая! Я не хотела!»

— Или хотела? — прошептал голос где-то на краю сознания. — Ты же знала, что так будет. Все истории требуют жертв. Твоих жертв.

Кибела зажала уши руками.

— Замолчи!

Но голос, похожий на её собственный, только холоднее, ответил:

— Не получится. Ты уже часть этого повествования. И страницы не вырвать.

Слезы покатались по её щекам, смешиваясь с кровью и сажей. Она задрожала, согнулась, обхватила себя руками, пытаясь согреться, но холод шёл изнутри — из самой души.

Измаил подбежал к ней, опустился рядом, положил руку на плечо.

— Ты жива, — тихо сказал он. — Это главное. Мы разберёмся с остальным позже.

Кибела подняла на него глаза — в них больше не было алого свечения. Только ужас, вина и отчаяние.

— Я стала — прошептала она, — монстром.

Мужчина сжал её плечо чуть сильнее. — Нет, — твёрдо сказал он. — Монстры убивают без причины. Ты сражалась за тех, кого любишь. Теперь тебе нужно научиться прощать себя. Иначе магия Потока поглотит тебя полностью.

Вокруг них битва продолжалась, но для Кибелы мир на мгновение остановился. Она поняла: сила Алого Потока — не просто оружие. Это испытание. И она только что прошла его первую часть — ценой собственной души.

* * *

Татьяна оказалась в ловушке. Трое вражеских солдат окружили её у груды обломков, прижав к стене. Один из них занёс клинок — остриё замерло в паре сантиметров от её горла.

— Ну что, ведьма, — хрипло рассмеялся воин, — помолись своей Прародительнице. Посмотрим, поможет ли...

Он не успел договорить.

Из-за угла с рёвом вылетел здоровяк Серёга — двухметровый детина в засаленном фартуке, забрызганном чем-то подозрительно похожим на соус болоньезе (хотя откуда в этом мире болоньезе — загадка). В руках он нёс столб дорожного знака — тот самый, с тремя белыми полосами, что раньше обозначал пешеходный переход.

— НУ МОЖЕТ ХОТЬ ТЕПЕРЬ ЭТА БЕПОЛЕЗНАЯ ШТУКОВИНА СПАСЁТ ЧЬЮ-ТО ЖИЗНЬ! — проорал он, размахивая им, как дубиной.

Первый солдат обернулся — и тут же получил знаком по шлему. Раздался гулкий звон, словно ударили в колокол. Воин покачнулся и рухнул на землю, из-под забрала повалил дымок.

Второй солдат попытался атаковать, но Серёга с разворота заехал ему столбом по рёбрам. Звук получился такой, будто кто-то ударил по контрабасу: БУУУМ! Солдат отлетел в сторону, врезавшись в груды кирпичей.

Последний воин замер в нерешительности. Серёга уставился на него, тяжело дыша; столб покачивался в его руках, как мачта.

— Ты — прохрипел солдат, отступая на шаг. — Ты вообще кто?!

— Я — ПОВАР! — торжественно объявил здоровяк. — И я устал готовить овсянку! Пора что-то менять!

С этими словами он замахнулся вновь. Солдат, не дожидаясь удара, развернулся и бросился наутёк.

Татьяна, всё ещё прижатая к стене, ошеломлённо моргнула. Повар протянул ей руку:

— Вставайте, матушка. Я вас не дам в обиду. Хотя, признаться, я больше привык отбивные отбивать, чем солдат. Но принцип тот же, верно?

Она рассмеялась — сначала тихо, потом всё громче, пока не закатилась от хохота, сидя на земле среди обломков.

— Спасибо, — выдохнула она, вытирая слёзы. — Ты... ты просто гений.

Серёга гордо выпрямился, поправил фартук и оглядел поле боя.

— Да, я такой, — скромно кивнул он. — Кстати, а где моя ложка? Я её где-то потерял.

Он начал шарить глазами по земле, тыкая столбом в обломки, будто искал пропажу. Татьяна, всё ещё хихикая, поднялась на ноги и похлопала его по плечу:

— Пойдём. Когда всё закончится, я подумаю над тем, чтобы дать тебе настоящее оружие!

— А можно такое, чтобы ещё и картошку чистить? — с надеждой спросил повар, волоча за собой дорожный знак. — Ну, на всякий случай?

Татьяна только покачала головой, улыбаясь.

Закат разлился по небу пурпурным отливом, окрасив в нежные тона землю, обломки укреплений, и неподвижные тела, разбросанные по земле. Всё стихло — ни криков, ни лязга оружия, только редкая трель какой-то птицы да шорох ветра. Над церковью кружили вороны, осторожно опускаясь то тут, то там. Воздух хранил запах гари и крови, но теперь к нему пришивался терпкий аромат вечерней прохлады. Бой был окончен.

Глава 3. Засада.

Семь лет спустя. 2664 год от Рождества Христова.

Кабинет Измаила. Крепость Ветров.

Измаил сидел за массивным столом из тёмного дуба, изучая карты захваченных территорий. На стене позади него висел гобелен с изображением Прародительницы — теперь он казался не символом надежды, а предупреждением. Дверь скрипнула, и в кабинет вошла Татьяна. Её походка была уверенной.

— Измаил, отчёты из лаборатории неутешительны. Прогресс по «Чистым» замедлился. Нам нужно больше образцов крови Кибелы.

Измаил поднял хмурый взгляд на собеседницу:

— Ты же знаешь, что её организм не бесконечен. Мы и так берём слишком много.

— А ты знаешь, что без этого весь наш план рухнет? — резко ответила женщина. — Герхард не простит нам захвата целого города! Он уже собирает силы для контратаки. Нам нужны «Чистые» — сейчас, а не через год!

В этот момент дверь снова открылась, и вошёл невысокий мужчина с чёрной бородой. В руках он держал папку с документами.

— Простите за вторжение, но у меня срочные данные, — он положил папку на стол перед командующим. — Результаты последнего анализа крови Кибелы показывают тревожную динамику. Её кристаллическая матрица начинает истончаться. Ещё несколько процедур — и мы рискуем потерять образец.

Измаил поднялся изза стола и посмотрел мужчине прямо в глаза:— Говори прямо: ты хочешь прекратить забор крови?

Мужчина покачал головой:— Нет. Но я предлагаю изменить подход. Мы можем использовать синтетические аналоги, чтобы снизить нагрузку на её организм. Да, эффективность будет ниже, но это даст нам время стабилизировать матрицу.

— Время — это роскошь, которой у нас нет, доктор! — повысив тон, сказала Татьяна. — Герхард уже на пороге. Нам нужны готовые «Чистые», а не теории!

— Ван, сколько времени займёт разработка этих аналогов? — спросил Измаил учёного, постукивая пальцами по столу.

— Минимум три месяца. Возможно, больше. Процесс сложный, а у нас мало данных по структуре её матрицы, — ответил Ван.

— Три месяца? — не выдержав, женщина ударила кулаком по папке. — Мы не можем ждать! Измаил, ты же сам говорил: «Кибела — ключ. Её кровь единственная надежда». Так используй этот ключ, пока он не сломался!

— Татьяна, ты забываешь, что Кибела — не инструмент. Она человек, — ответил Измаил тихо.

— О, как благородно! А когда она в авангарде прорывала оборону крепости, ты тоже думал о её человечности? Или только о том, как её сила поможет нам захватить город?

— Простите, но я должен напомнить: если мы потеряем Кибелу, проект «Чистые» остановится. А без него план «Очищение» невозможен. Чёрная хмарь требует носителей с иммунитетом, — вмешался Ван.

— Ты слишком много знаешь для простого учёного! — закричал Измаил, повернув голову к бородатому Вану.

— Я знаю ровно столько, сколько нужно для работы, — ответил тот. — И я предупреждаю: если мы продолжим в том же темпе, Кибела не выдержит. Её матрица разрушится, и мы потеряем всё.

— Измаил, послушай, — сказала Татьяна, понизив голос. — Мы зашли слишком далеко, чтобы отступить. Кибела сильна, но она одна. А «Чистые» могут стать армией. Представь: сотни, тысячи людей с иммунитетом к хмари и контролем над Поток. Мы сможем не просто защититься от Герхарда — мы сможем уничтожить его!

— А чёрная хмарь? Ты действительно готова применить её? Это же миллионы смертей.

— Это не смерти, а очищение. Слабые погибнут, сильные выживут. Те, кто достоин жить в новом мире. Разве не за это мы боролись?

— Но Кибела. Она верит, что помогает людям. Что мы создаём лекарство. Вы собираетесь лгать ей до конца? — вмешался учёный.

— Мы делаем то, что должны, — сказал Измаил жёстко. — Кибела получит всё, что обещала ей Прародительница: безопасность, уважение, место в истории. Но сначала она выполнит свою роль. Ван, продолжай работу над синтетическими аналогами, но не замедляй основной процесс. Татьяна, подготовь план ускоренного производства «Чистых». Мы должны быть готовы к атаке Герхарда.

— Наконец-то ты говоришь как лидер, — ухмыльнулась женщина.

— Я сделаю, что смогу, — вздохнул доктор. — Но помните: если Кибела узнает правду, она не простит.

— Мы все платим цену за свои решения. Пусть она будет не слишком высока, — закончил Измаил и уставился в окно, за которым шла более или менее размеренная жизнь.

— Кибела — прошептал он. — Она для меня как дочь.

В его мыслях крутились воспоминания о семье, которую он потерял давным-давно: любимая жена, дочь, что оказались заражены. Он не дал им превратиться в монстров и избавил от мучений тем самым револьвером, что всегда был при нём.

* * *

Кибела медленно прогуливалась по городу, построенному на руинах древнего железнодорожного вокзала. Воздух был прохладным, пахло влажным камнем и мокрой травой после дождя. Где-то вдалеке слышались голоса солдат и стук молотов кузнецов, но здесь, у западной стены, царили тишина и покой.

Она остановилась у остатков массивных колонн, когда-то поддерживавших крышу вокзала. Покрытые мхом, с трещинами, в которых пробивались пучки травы, они словно хранили память о прошлом. Девушка коснулась шероховатой поверхности камня и нащупала остатки резьбы — время и разрушения почти стёрли орнамент, но кое-где ещё угадывались завитки узора.

Дальше путь лежал через бывший перрон. Ржавые рельсы и сгнившие шпалы, поросшие диким выюнком вызвали у неё уйму вопросов: что это и зачем было нужно. Она присела на обломок бетонного ограждения рядом с остатками таблички «Платформа 3» и огляделась. У стены кто-то сложил груды мусора среди которого виднелся пластиковый стаканчик.

У выхода с перрона, под остатками козырька, кто-то устроил странный мемориал: на куче камней возвышался древний смартфон с треснувшим экраном, рядом лежали пара увядших цветов и свеча в жестяной банке. На смартфоне маркером было выведено: «Здесь ждали Wi-Fi, который так и не пришёл».

— И кто это придумал? — вслух удивилась Кибела.

За спиной раздался топот. Девушка обернулась — к ней вприпрыжку бежал мальчишка лет десяти в льняной рубашке и с корзинкой грибов в руках. На голове у него красовалась самодельная деревянная корона.

— Ты кто? — спросил он, запыхавшись.

— Кибела, — улыбнулась она. — А ты?

— Я — король Марк Первый, повелитель грибов и защитник перрона! — торжественно представился мальчик, выпрямившись во весь рост. — Ты ведь та самая, да? Та, что умеет делать огонь из рук?

— Иногда, — Кибела подмигнула и взъерошила ему волосы. — А грибы у тебя точно съедобные?

— Абсолютно! — заверил Марк, протягивая корзинку. — Вот, попробуй самый королевский!

— Спасибо, ваше величество, — Кибела взяла гриб и рассмеялась.

Они пошли вдоль перрона. Вдруг Кибела заметила на колонне выцарапанную надпись: «Лох».

— Видал? — кивнула она Марку. — Это имя часто встречается в руинах. Наверное, какой-то герой древности.

— Да не просто герой! — глаза Марка загорелись. — Лох был Истребителем драконов! Дедушка рассказывал: он в одиночку победил сразу трёх тварей, которые опустошали города.

— Вот как? — Кибела сделала вид, что впечатлена. — И что, эту надпись оставляют в знак уважения?

— Конечно! — Марк важно кивнул. — Говорят, если написать «Лох» на стене, к тебе перейдёт частица его храбрости. Я тоже хочу попробовать!

Он достал уголёк, но Кибела мягко остановила его:

— Подожди. Право написать это имя дают лишь тем, кто совершил подвиг. Нужно доказать, что достоин силы Истребителя драконов.

Марк на мгновение задумался, потом выпятил грудь:

— Тогда я... я найду самый большой гриб в лесу и принесу его в крепость! Это будет мой подвиг!

— Достойная цель, — Кибела одобрительно кивнула.

В тот же миг мальчик умчался прочь.

* * *

Кибела вернулась в штаб ближе к вечеру. Она прошла мимо часовых, коротко кивнув им, и направилась прямо в главный зал, где обычно проходили совещания командования Культа.

Измаил уже ждал её — стоял у карты, разложенной на столе, и сосредоточенно разглядывал отметки. Рядом с ним, скрестив руки на груди, стояла Татьяна. Её взгляд, как всегда, был острым, но добрым.

— Кибела, — Измаил поднял голову. — Хорошо, что ты здесь. У нас новое задание.

— Что на этот раз? — Кибела остановилась в нескольких шагах от стола, стараясь не выдать тревоги.

— В двадцати милях к северу, в долине, обнаружено поселение изгоев, — начал Измаил. — По данным разведки, там бушуют одержимые. Жители не могут защититься — у них нет ни оружия, ни опыта. Мы должны помочь им и привести в Крепость. Ты поведёшь отряд.

— Почему я? — Поинтересовалась Кибела. — Разве у нас мало опытных командиров?

— Потому что только ты можешь справиться с одержимыми быстро и без лишних жертв, — ответил Измаил твёрдо. — Твоя сила — наш главный козырь. Это не просто миссия спасения. Это шанс показать людям, что Культ Прародительницы — их единственная надежда.

Татьяна шагнула вперёд:

— Мы уже потеряли два поселения из-за одержимых. Если не поможем сейчас, слухи пойдут не те. Люди начнут думать, что мы заботимся только о себе.

Кибела помолчала, обдумывая услышанное. В глубине души она понимала их правоту — изгой действительно нуждались в защите. Но что-то в этой ситуации настораживало.

— Сколько человек в отряде? — спросила она наконец.

— Десять бойцов, — ответил Измаил. — Сержант Михаил во главе. Он опытный командир, будет помогать тебе координировать действия.

— Хорошо, — Кибела кивнула. — Я согласна. Когда выступаем?

— Через час, — Измаил хлопнул ладонью по карте. — Возьми всё необходимое. Михаил уже готовит людей. И — он сделал паузу, — будь осторожна. Разведка доложила, что в тех краях видели патрули Герхарда. Возможно, они тоже заинтересовались поселением.

— Значит, действуем быстро, — Кибела расправила плечи. — Уничтожаем одержимых. После этого эвакуируем жителей.

— Верно, — мужчина одобрительно кивнул. — И ещё одно. — Он понизил голос. — Если столкнёшься с людьми Герхарда, избегайте прямого столкновения. Наша цель — спасти людей, и только. Но если вдруг что ты знаешь, что делать.

— Знаю, — Кибела сжала ладонь, чувствуя, как внутри разгорается огонь. — Я выполню задачу. Обещаю.

Она развернулась и направилась к выходу. Татьяна проводила её взглядом, потом тихо сказала Измаилу:

— Ты уверен, что это хорошая идея? Отправлять её одну?

— Она не одна, — Измаил посмотрел вслед девушке. — У неё есть сила, опыт и верные люди. И она должна доверять нам. Иначе всё это бессмысленно.

* * *

Кибела зашла в свою комнату, быстро сменила плащ на доспехи. Затем подошла к столу, взяла флягу с водой и небольшой мешочек с сухпайком. В последний раз окинув взглядом комнату, она вышла в коридор, где её уже ждал Михаил с отрядом.

Одиннадцать бойцов восседали на рогатых конях у ворот крепости. Кибела уже знала об этих животных: выносливые, способные учуять хмарь за мили, они были незаменимы в дальних походах.

— Все готовы? — громко спросила она.

Михаил кивнул, похлопав по шее своего скакуна:

— Так точно. Путь неблизкий, но если поскачем без остановок, к рассвету будем на месте.

Отряд тронулся в путь. Ворота с грохотом распахнулись, и всадники выехали за пределы укреплений.

Ночь окутала землю плотным покрывалом. Луна едва пробивалась сквозь густые облака, бросая тусклый свет на изрытую колеями дорогу. Лошади мчались галопом, изредка фыркая, будто чуяли что-то недоброе. Кибела ехала впереди, вглядываясь в темноту. В груди пульсировала обжигающая энергия, давая ей не только силу, но и ответственность за весь отряд.

Где-то через три часа пути лес вокруг стал гуще, а воздух — тяжелее. Пахло гнилью и серой, от чего у Кибелы защипало в носу.

— Хмарь, — тихо произнёс Михаил, поравнявшись с ней. — Надеть противогазы!

Кибела не просто чувствовала — она ощущала её. Красная хмарь витала в воздухе, словно туман, цепляясь за деревья, просачиваясь сквозь борозды в почве.

Из чащи донёсся вой — низкий, протяжный, от которого кровь стыла в жилах. Одержимые.

— Готовьтесь, — бросила Кибела, и в воздухе перед ней материализовалось багровое копьё. Она схватила древко и приняла боевое положение.

Первых тварей они увидели, когда дорога сузилась между двумя скальными выступами. С полдюжины фигур с искажёнными лицами бросились на отряд. Их движения были резкими, неестественными, а из глоток вырывались хриплые вопли.

— В линию! — крикнул Михаил. — Ружья на изготовку!

Бойцы сомкнули ряды. Первые выстрелы направились в сторону противника, но одержимые не замедлились. Один из них прыгнул прямо на лошадь ближайшего солдата — та заржала и встала на дыбы, сбрасывая всадника.

Кибела не раздумывала. Бросок — и остриё пронзило грудь ближайшего монстра, отбросив его на несколько шагов. Второй взмах — копьё превратилось в алебарду, рассекающую следующего врага пополам.

— Держите строй! — рявкнул Михаил, теперь уже рубя очередного противника саблей.

Остальные бойцы тоже отчаянно сражались. Клинки звенели, твари всхлипывали задыхаясь в собственной крови. Кибела двигалась между ними, направляя силу Потока: то щит, отражающий атаку, то огненный всплеск, сжигающий сразу нескольких врагов.

Бой длился недолго — минуты три, но они показались вечностью. Когда последний одержимый рухнул на землю, Кибела опустила руку. Оружие растаяло в дымке, оставив после себя лишь лёгкое покалывание в пальцах.

— Потери? — хрипло спросила она.

— Двое ранены, но живы, — доложил Михаил, убирая клинок в ножны. — Остальные целы.

Кибела выдохнула.

— Двигаемся дальше. До рассвета осталось недолго.

Они продолжили путь. Лошади, казалось, тоже устали, но упорно шли вперёд. Постепенно лес расступился, и перед ними открылась долина.

На рассвете отряд достиг поселения изгоев.

Оно располагалось в месте, что когда-то было городом, теперь представляющего собой груды развалин. Поваленные высотки с зияющими провалами окон, ржавые каркасы кранов, торчащие в небо, остатки дорог, покрытые трещинами и поросшие бурьяном. Лачуги, сколоченные изгоями между обломками зданий, горели — дым поднимался чёрными столбами, смешиваясь с розовыми лучами восхода.

Кибела остановила лошадь, вглядываясь. Ни движения, ни криков — только треск пламени и изредка — глухой звук падающих балок.

— Слишком поздно, — прошептал кто-то из бойцов.

Она спешила, подошла к одной из уцелевших хибар. Дверь была сорвана с петель, а внутри присутствовали следы борьбы: опрокинутая утварь, пятна крови на полу. Кибела вышла наружу, огляделась.

Вдалеке, у подножия полуразрушенной многоэтажки, она заметила движение. Прищурилась.

Фигура в чёрном плаще стояла среди развалин, глядя на пожираемое огнём поселение. Рядом с ней — ещё кто-то.

Один из них повернул голову в их сторону.

— Отряд, — тихо сказала Кибела, не отрывая взгляда от незнакомцев. — Стройся. И будьте начеку.

Михаил подошёл к ней, сжал рукоять меча.

— Они здесь не просто так, — пробормотал он. — И изгой...

— Это засада! — Кибела стиснула кулаки. Внутри закипала ярость, но она заставила себя дышать ровно.

Она сделала шаг вперёд, чувствуя, как Алый Поток отзывается в венах — не яростью, а решимостью.

Внезапно поднялся вихрь, настоящая буря, словно вырвавшийся торнадо. Пыль, камни, обрывки травы взметнулись в воздух, полностью заслоняя обзор. Кибела почти ничего не видела, лишь смутные очертания своих товарищей мелькали в бушующем потоке.

Из хаоса начали возникать силуэты тех двух в чёрных плащах. Они двигались с нереальной скоростью, внезапно появляясь за спинами солдат. Лезвия мечей сверкали в тусклом свете утра, нанося безжалостные, точные удары.

Кибела вскинула руку — в ладони тут же появилась багровая сабля. Она отчаянно крутилась, пытаясь уловить движение противника, но те были слишком быстры. Удары приходились в пустоту: она замахивается и вот убийца уже позади другого бойца; пытается парировать — но враг мгновенно исчезает в пыльной буре и тут же возникает возле следующего солдата.

Пространство наполнилось криками боли. Один из бойцов упал на землю, схватившись за горло — между пальцев хлынула кровь. Другой вскинул ружьё, но клинок распорол ему грудь от плеча до пояса. Третий попятился, споткнулся о тело товарища и упал — враг оказался над ним в мгновение ока, вонзив меч в незащищённое горло.

Девушка рванулась вперёд, сабля рассекла воздух — но лишь вспорол клубящуюся пыль. За спиной она услышала хрип, обернулась: ещё один боец осел на землю. Глаза его остекленели, рука судорожно сжимала рукоять ножа — он так и не успел его вытащить.

Буря стихла так же резко, как и началась. Пыль постепенно оседала, обнажая ужасающую картину. Тела её товарищей лежали повсюду, тёмные лужи крови растекались по земле, смешиваясь с пылью.

Кибела застыла, оружие дрожало в её руке. Медленно подняв взгляд она увидела Михаила. Он стоял рядом с теми двумя, а на лице играла торжествующая улыбка.

— Михаил?.. — голос Кибелы прозвучал сипло. — Почему?

Он сделал шаг к ней и развёл руками:

— Ты нужна Герхарду. Живая. Не знаю, что он от тебя хочет, но лично я взамен получу часть его силы и смогу жить спокойно, не боясь за свою шкуру каждый сраный день! Больше никаких походов, никаких одержимых — настоящая жизнь, Кибела. Разве это не лучше, чем гнить в этой крепости?

— Ты предал нас, — она сжала клинок крепче. — Всех. За что? За обещание?

Михаил открыл рот, чтобы ответить, — но не успел. Тот, что был слева от него, резко взмахнул рукой. Лезвие сверкнуло в воздухе — и голова Михаила покатилась по земле. Глаза остались широко раскрытыми, а улыбка застыла в последнем мгновении.

— Хватит болтовни, — голос незнакомца оказался низким, хриплым, будто он давно не говорил. — Ты идёшь с нами.

Второй враг попрежнему стоял позади первого — молчаливый и неподвижный. Его плащ слегка колыхался на слабом ветру, а лицо оставалось скрытым в тени капюшона.

Кибела сглотнула. Оружие в её руке начало мерцать, постепенно наливаясь силой. Она чётко осознавала: сейчас и правда может погибнуть.

Глава 4. Чистая.

Человек медленно снял капюшон. Под ним оказалось суровое, изборождённое глубокими шрамами лицо с пронзительным взглядом стальных глаз. Его голос прозвучал глухо, но властно:

— Позволь представиться. Меня зовут Анджелус. А это Карим, — он указал на молчащего спутника. — Ты нужна нашему хозяину. С твоей силой он сможет сохранить мир от истребления.

Кибела не дала ему закончить. Она резко вдохнула полной грудью, чувствуя, как сила бурлит в венах, обжигает изнутри, и выдохнула мощной струёй красного огня. Пламя устремилось на противников, сжигая воздух.

Но мужчина лишь слегка приподнял руку. Перед ним мгновенно возник полупрозрачный, мерцающий барьер, отливающий цветом бордо, словно сотканный из расплавленного стекла. Пламя ударилось о преграду с оглушительным хлопком и рассыпалось искрами, не причинив им вреда. Несколько раскалённых угольков опалили край его плаща, оставив чёрные дыры.

Не теряя ни секунды, Кибела рванулась вперёд. Её глаза вспыхнули кровавым цветом, пальцы сжались в кулаки — она готовилась нанести удар, используя силу Потока напрямую. «Двадцать шагов... — мысленно рассчитала она.»

В этот момент Карим опустился на колени перед Анджелусом. Тот вытянул к нему руку, произнёс чётко и размеренно:

— Стих Первый: Реквием.

Рука коснулась лба Карима.

В прах обращается плоть, в свет — душа,

Время плену веков рвёт.

Услышите последний завет бытия:

Смерть — лишь порог, а не исход.

Воздух вокруг них задрожал, наполнился гулом, похожим на раскат грома. Тело Карима начало трансформироваться: кости хрустели и удлинялись с тошнотворным треском, кожа лопалась, покрываясь тёмно-красной чешуёй, спина выгибалась с хрустом позвонков, вырастая в массивные крылья. Через мгновение на месте человека стоял огромный дракон с острыми прямыми рогами на голове. Его глаза горели янтарным светом, из ноздрей вырывались клубы едкого дыма.

Одним мощным взмахом хвоста он ударил Кибелу. Удар пришёлся в бок — девушка отлетела, прочертив борозду в земле, вздымая клубы пыли и комья грязи, и врезалась в массивный каменный блок. От удара камень треснул с громким хрустом, осыпавшись острыми осколками и пылью. Кибела тяжело опустилась на колени, пытаясь прийти в себя. В ушах звенело, перед глазами плыли красные круги, во рту появился металлический привкус крови. Она сплюнула — на земле остались алые сгустки.

«А это ещё что, нахрен, такое?! Это это чудовище. Оно же сейчас сейчас добьёт меня. Нет! Не хочу умирать! Мне страшно... страшно!..»

Кибелу сковал первобытный ужас, тело отказывалось слушаться. Дыхание сбилось, стало частым и поверхностным, от чего голова начала кружиться, вгоняя её в панику. Перед глазами промелькнули образы тех, кого она лишила жизни на своём пути.

«Все те, кого я убила им тоже было настолько страшно? Они тоже чувствовали этот ледяной ужас, парализующий каждую мышцу? Они тоже молились о том, чтобы это закончилось быстро? О, Прародительница, пожалуйста пусть будет быстро. Пусть я просто упаду и не почувствую последнего удара»

Кибела судорожно втянула воздух, но лёгкие будто сжались, отказываясь наполняться кислородом. В висках стучала кровь, а сердце билось так часто, что казалось, вот-вот выскочит из груди. Она попыталась подняться, но ноги подкосились, и она снова упала на колени.

«Я не готова. Я не хочу. Я думала, что готова, но нет. Я просто девочка, которая хотела выжить. А теперь... теперь я умру, и никто даже не вспомнит моего имени. Неназванная»

Острая, разрывающая боль пронзила бок — словно отвёртку провернули в глубине тела. Кибела захрипела, схватилась за бок, но даже сквозь онемевшие пальцы почувствовала, как под кожей разрастается горячая волна. В горле встал привкус железа. Она кашлянула, и изо рта хлынула густая, тёмная кровь с пузырьками воздуха. Струйка потекла по подбородку, капнула на пыльную землю, оставив алое пятно.

«Почка... почка лопнула. Я чувствую, как внутри всё заливают кровью. Я умираю. Прямо сейчас!».

Тёплая влага растеклась под ней, пропитывая ткань штанов, и коснулась холодной земли. Лужица мочи образовалась прямо под коленями, расплзаясь неровным тёмным пятном на потрескавшейся почве. Запах — резкий, стыдный — ударил в ноздри, смешавшись с вонью гари, крови и земли.

«Какой позор. Я же не животное, я не должна... но я не могу... Я просто... я просто боюсь до смерти!».

Она зажмурилась, чувствуя, как жар стыда заливают лицо, контрастируя с ледяным ужасом и болью в теле. Дрожь усилилась, пальцы скрючились судорогами, впиваясь в землю. Кибела невольно втянула живот, пытаясь сжаться, стать меньше, незаметнее. Но это было невозможно. Она была на виду — униженная, слабая, мокрая, дрожащая, истекающая кровью.

«Я хотела быть сильной. Хотела доказать, что я не жертва, что я могу защитить других...».

Она подняла взгляд на дракона. Его янтарные глаза попрежнему смотрели на неё с холодным безразличием. Он сделал ещё шаг вперёд — когти глухо стукнули о камень. Она невольно отпрянула, и лужица под ней дрогнула, выплеснув каплю на голень.

«Пусть убьёт. Пусть сделает это быстро. Лучшее смерть, чем этот стыд, этот ужас, эта боль» — мысленно взмолилась она, зажмурившись. Но вместо удара услышала голос Анджелуса — всё тот же спокойный и властный:

— Ты сильна, но пока не готова противостоять воле Герхарда. Даже не надейся одолеть его, когда настанет час. Культ не те за кого себя выдают. Придёт время и ты сама придёшь к нам.

В этот момент Кибела закрыла глаза, голос мужчины начал казаться далёким и глухим. Она потеряла сознание.

Дракон замер, его облик вновь начал меняться. Через мгновение на месте чудовища стоял молодой юноша с растрёпанными тёмными волосами и слегка виноватым выражением лица. Он почесал затылок, посмотрел на Кибелу, потом на своего товарища.

Они стояли и смотрели на неё. Просто смотрели.

Молчание. Долгое молчание. Ещё более долгое молчание. Ветер шевелил их плащи, трепал волосы. Гдето вдалеке каркнула ворона. Очень многозначительно каркнула.

— А она не помрёт? — наконец спросил Карим, присаживаясь на корточки рядом с Кибелой и тыкая её пальцем в плечо. — Дышит вроде.

Анджелус заметно нервничал. Он поправил капюшон, отряхнул несуществующую пыль с рукава, потом зачем-то проверил, на месте ли его кинжал в ножнах.

— Да нет. Всё нормально... наверное, — сказал он, глядя куда-то в сторону. — Она же особенная. Оператор. У них девять жизней, как у кошек. Или семь? Или это у гоблинов семь? В общем, не помрёт.

Снова молчание. Ещё более томительное молчание. Карим начал рисовать носком ботинка какие-то узоры на земле. Анджелус уставился на облако, которое очень было похоже на задницу.

— Слушай, — нарушил тишину Карим, — а обязательно каждый раз делать этот нелепый ритуал со стихом перед моей трансформацией? Ну серьёзно. Я же могу просто превратиться. Вот так — *пфффф* — и я дракон. Или *шух* — и снова человек. Зачем эти стихи?

Он взмахнул рукой, изображая «шух», и чуть не упал, потеряв равновесие.

Анджелус растерялся.

— Герхард сказал так делать, — пробормотал он. — Он говорит, что это выглядит очень круто. Очень эпично. Читатели должны почувствовать величие момента.

— А по-моему, тупость какая-то, — ответил юноша, вставая и отряхивая штаны. — Кто вообще сочиняет эти стихи? *«В прах обращается плоть, в свет — душа»* Звучит, как заклинание от изжоги.

Анджелус покраснел. Он сделал шаг к Кариму, грозно нахмурил брови, но тут же сник.

— Заткнись уже и пошли, — вздохнул он, теряя весь свой властный вид. — Мне надо принять душ. Я весь пропах драконьим потом. И ещё у меня свидание вечером. С Катериной из пекарни. Она печёт потрясающие круассаны. С ореховой начинкой.

Карим закатил глаза.

— Круассаны — протянул он. — А я опять буду есть гречку. Почему у драконов нет свиданий? Почему никто не хочет встречаться с тем, кто иногда превращается в гигантскую ящерицу? Несправедливо.

Анджелус уже шёл прочь, раздражённо пиная камешки.

— Потому что ты пугаешь людей, — бросил он через плечо. — И сжигаешь их газоны с цветами.

— Но я же извинился! — крикнул Карим, поспешая за ним. — И посадил новые!

* * *

Лаборатория находилась на подземном уровне древнего храма. Стены внутри были исписаны рефренами Прародительницы и символикой Культа. В центре помещения, на постаменте из чёрного камня, лежала девушка. Её кожа была бледна, как у трупа, а вены были набухшими и имели чёрный оттенок.

Доктор Ван стоял возле подопытной, сжимая в руках блокнот с расчётами. Его пальцы дрожали, подмышки потели от волнения, но глаза горели восторгом.

— Получилось, — прошептал он. — Первый стабильный образец. «Чистая».

Измаил обвёл взглядом проём ведущий в соседнюю комнату из которой виднелась целая гора погибших подопытных. Татьяна наблюдавшая за процессом, подошла ближе. Она взглядела в молодое лицо девушки.

— Она жива? — хрипло спросила она.

— Физиологически — да, — ответил Ван. — Все органы функционируют. Но сознание... Она больше не подвержена красной хмари. Но и не совсем человек.

Измаил медленно покачал головой:

— Человек... А что делает нас людьми? Кровь? Кости? Или то, что внутри? — он указал на грудь. — Страхи, надежды, ошибки. Даже наша склонность к саморазрушению — часть природы. Мы убивали друг друга задолго до хмари. Войны, зависть, жажда власти — разве это не человечесно?

— Человечно, — согласилась Татьяна. — И именно поэтому мы должны подняться над этим. «Чистые» не будут знать жадности или ненависти. Они станут опорой нового мира.

Ван осторожно коснулся руки подопытной.

— Мы удалили эмоциональные триггеры, — пояснил он. — Гнев, страх, даже радость. Она не будет страдать. Но и любить не сможет.

— Значит, мы создали монстра, — тихо произнёс Исмаил.

— Мы создали *решение*, — отрезала Татьяна. — Посмотри на неё! Она идеальна. Ни боли, ни сомнений. Разве это не то, к чему стремились все религии и философия — преодолеть слабость плоти?

Исмаил подошёл ближе к постаменту. Он всмотрелся в закрытые глаза девушки, пытаясь найти в них хоть отблеск души.

— Слабость? — повторил он. — А если именно она делает нас живыми? Если способность страдать, ошибаться, раскаиваться — и есть суть человечности? Мы вырезаем сердце, думая, что улучшаем тело.

В этот момент веки подопытной дрогнули. Её глаза открылись — абсолютно чёрные, без зрачков.

— Значит, кровь Кибелы больше не нужна? — спросил он, не отрывая взгляда от «Чистой».

Ван поднял голову.

— Не нужна, — твёрдо ответил он.

Татьяна шагнула вперёд, её голос зазвучал торжественно:

— Мы получили шаблон. Теперь можем создавать «Чистых» массово — на основе матрицы Кибелы. Но сама она — женщина сделала паузу, — подвержена эмоциям. Рано или поздно она узнает о проекте, о том, что мы собираемся сделать. И тогда она станет угрозой и это большая проблема. Нужно ликвидировать её.

— Угрозой? — Исмаил резко повернулся к ней. — Она верит нам! Она сражается за нас, рискует жизнью, а ты предлагаешь избавиться от неё?

— Я предлагаю действовать на опережение, — холодно ответила Татьяна. — Мы не можем позволить сантиментам поставить под удар всё, ради чего мы боролись десятилетиями. Кибела ценна, но она — одна. А «Чистые» могут стать армией. Армией, которая не знает страха, не знает жалости к врагам.

— Не знает жалости и к друзьям, — бросил Исмаил. — Они не могут чувствовать! Как мы можем доверять тем, кто не способен сопереживать?

— Мы будем приказывать им, — отрезала Татьяна. — Они будут выполнять наши приказы. Это надёжнее, чем полагаться на верность, основанную на чувствах.

Ван нервно провёл рукой по лицу.

— Возможно, есть другой путь, — пробормотал он. — Мы могли бы попытаться объяснить Кибеле...

— Объяснить что? — перебил Исмаил. — Что мы собираемся распространять чёрную хмарь? Что мы собираемся превращать людей в чёртовых зомби? Она нам не простит!

— Ты подрываешь наше доверие, Исмаил.. — протянула женщина.

Тот лишь опустил взгляд, тяжело вздыхая. В груди сдавило от тяжести выбора: между долгом перед Культом и совестью, между верой в общее дело и пониманием, что они переступили черту. Он вспомнил лицо Кибелы — её страх, её решимость, её слёзы после битвы. Вспомнил, как она впервые улыбнулась, получив имя. И понял: если они пойдут этим путём, они потеряют не только её — они потеряют самих себя.

— Ван, подготовь образцы хмари, подготовь «Чистую», — приказала Татьяна, её голос звучал жёстко. — На рассвете отправляемся в поселение изгоев. Будем тестировать наше оружие.

— Есть! — ответил доктор встревоженно. Он покосился на Исмаила, словно ища поддержки, но тот молчал, уставившись в пол.

Татьяна повернулась к девушке, застывшей на постаменте. Та по-прежнему лежала неподвижно, её чёрные глаза смотрели в потолок, будто видели что-то за пределами этого мира.

Глава 5. Подземелья.

Вокруг непроглядная тьма. Сознание меркнет, но память вырывает меня из забвения, швыряет в прошлое, будто в лицо бьют ледяные волны.

Я снова там. Однажды я всё-таки попыталась сбежать.

Подкараулила момент, когда охранник отвлёкся. Подползла к двери, дрожащими пальцами нащупала засов. Дёрнула — он поддался! Я рванулась наружу, вдохнула свежий воздух.

И тут же получила удар по затылку.

Падение. Боль. Вкус крови во рту.

Меня поволокли обратно. Хозяин схватил за волосы, поднял лицо к своему: — Ты что, решила, что можешь уйти? — его дыхание воняло гнилью. — Ты — моя. Твоя жизнь — моя. Твоё тело — моё. Твоё дыхание — моё. Запомни это.

Он ударил меня коленом в живот. Я согнулась, задыхаясь. Кто-то из его подручных рассмеялся:

— Смотри, как красиво складывается! Прямо как кукла!

Потом были «уроки послушания».

— Улыбнись, — приказывал хозяин. — Покажи, какая ты хорошая девочка.

Если я отворачивалась или плакала — получала пощёчины. Если сопротивлялась — били ремнём. Если кричала — зажимали рот вонючей тряпкой.

Чёртов подвал. Гниль, моча, отходы. Пол липкий, холодный. Я лежу на нём, прижавшись щекой к сырому бетону. Цепь на лодыжке звенит, когда я пытаюсь пошевелиться. Зввв... Звук такой тонкий, отчаянный. Как мой собственный крик.

Кт... кто меня сюда притащил? Точно, хозяин притона — лысый, с жёлтыми зубами — дёрнул за волосы, и, намотав их на кулак с силой дёрнул вверх: — Будешь мыть сортиры, тварь! Все. Каждый день. Если хоть один пропустишь — будешь есть то, что оттуда выгребешь. Поняла, мразь?

Я кивнула. Кивнула, потому что боялась, что он опять возьмёт кочергу.

Туалеты. Засохшие коричневые разводы вокруг отверстий, лужи мочи, омерзительные комки рвоты с кисло-сладким смрадом. Я скребла, тёрла, оттирала ногтями, пока пальцы не начинали кровоточить. Вода в ведре быстро становилась чёрной, но менять её мне не давали.

— Руки не для красоты, — смеялся кто-то из клиентов, глядя, как я выжимаю тряпку. — Пусть привыкают.

Железное кольцо на лодыжке, ржавое, царапающее кожу до мяса. Короткая цепь дававшая ходу лишь в три шага. Я могла только сидеть или лежать на куче прогнивших тряпок, которые мне подбрасывали.

Мои сны о еде: я видела хлеб, свежий, с хрустящей корочкой. Так хотелось есть.

— Не заслужила, — шипела женищина, приносящая еду раз в три дня. Кусок чёрствого хлеба и стакан воды. Иногда — кость с остатками мяса. — Если хочешь больше — работай.

Внутри меня постоянно что-то трескалось, ломалось, умирало.

А потом... потом я перестала чувствовать.

Боль стала фоном. Унижения — рутинной. Кровь на руках — привычной. Я научилась не плакать. Научилась не думать. Научилась быть пустой. Неназванной.

И сейчас, в этой темноте, всё возвращается. Запах мочи. Звук цепи. Хватка на запястье. Шёпот: «Ты — ничто».

Но теперь есть и новые воспоминания. Первый труп. Я помню. Теперь я могу за себя постоять. Чужая кровь на моих губах. Хруст костей. Чавканье мяса. Сладкое чувство. Темное. Будоражающее. Хочу ещё. Больше. Ещё! ЕЩЁ! ВСЕГДА!

* * *

Кибела проснулась с криком, резко села — и тут же упала обратно на лежанку: острая боль прострелила спину. В горле пересохло, язык прилип к нёбу. Она с трудом сглотнула, пытаясь прийти в себя.

Вокруг мрак, лишь в углу слабо мерцал очаг, отбрасывая оранжевые блики на каменные стены. Запах дыма смешивался с привкусом крови и терпким ароматом трав, разложенных рядом.

Возле очага, спиной к девушке, сидела фигура. Силуэт тучного человека вырисовывался на фоне пламени, время от времени шерудившего дрова.

— Тише-тише, — произнёс голос. Басовитый, с хрипотцой, но спокойный. — Не вставай. Раны ещё не зажили.

Кибела сглотнула, попыталась что-то сказать, но вышло лишь еле слышное: — Я...

— Знаю, — перебил незнакомец, не оборачиваясь. — кошмары. Ты кричала.

Человек наконец повернулся. Кибела никак не могла сосредоточить взгляд, картинка расплывалась рябью перед её взором. Он поднялся, подошёл к лежанке, опустил на корточки рядом. В руке у него была деревянная кружка.

— Выпей, — он протянул её ей. — Отвар из корня лопуха и мяты. Успокоит нервы и поможет заживлению.

Она взяла кружку дрожащими руками, пригубила. Тёплая жидкость скользнула по горлу, оставляя горький вкус. Дыхание стало ровнее.

— Кто ты? — Спросила девушка, пытаясь разглядеть собеседника, но, тщетно, в полумраке разглядеть его не удавалось.

— Я тот, кто притащил тебя сюда. Меня зовут Клаус. Я чувствую в тебе запредельную силу Потока. Использовал заклинание, чтобы твоя собственная энергия восстановила органы. Но это всё, что я могу...

Она сделала ещё глоток и тут же провалилась в глубокий сон.

Утром она очнулась в добром здравии и огляделась. Она находилась в странном подземелье похожем на заброшенную станцию. Когда-то здесь текла жизнь: прогнившие указатели, остатки мозаики на стенах, ржавые рельсы. Теперь же всё покрывал слой пыли и паутины, а единственным источником света служил костёр, над которым жарилось мясо на вертеле.

В проёме вдруг появился её спаситель — толстый старик с густой седой бородой, заплетённой в косички и украшенной бусинками. На голове у него была красная вязаная шапка с помпоном, одет он был в широкие штаны и кожаную чёрную жилетку на голый пузатый торс. В руках он держал ворох тряпья.

— О, проснулась! — радостно воскликнул он, подходя ближе. — Отлично, отлично! Как раз завтрак поспел.

Кибела оглядела себя и заорала — она была совершенно голая.

— Я постирал твои монатки, — невозмутимо сказал Клаус, встряхивая одежду. — Ну, то есть постирал. Стирал, в общем. Они были такие грязные, что даже крысы от них шарахались!

— Ах ты... — начала Кибела, поспешно укрываясь простынёй. Её лицо пылало от стыда и гнева. — Где я? Что произошло?

Старик плюхнулся на ящик рядом с ней, почесал живот и задумчиво произнёс:

— А, ну Я нашёл тебя в руинах старого города, когда собирал грибы, ну, не те, что для еды..., ну, в общем... Да я сам не знаю, что с тобой случилось — но ты была вся в крови и едва дышала.

Он протянул ей вещи:

— На, надевай. Я подлатал дыры кое-где. А потом — завтрак! У меня там мясо на огне, и я добавил в него особый ингредиент!

— Какой ещё ингредиент? — настороженно спросила Кибела.

— Секрет! — подмигнул Клаус. — Но он точно поможет тебе почувствовать себя лучше. И не бойся, я не злой. Я просто эксцентричный. И очень голодный. Так что пошли есть, пока всё не сгорело!

— Чёрт! Михаил! Ребята! — воскликнула Кибела, наспех натягивая одежду. — Мне срочно нужно бежать!

— Куда? — изумлённо спросил Клаус.

— В крепость! Там дракон, засада! Нужно немедленно доложить о происшествии!

Старик тяжело вздохнул и покачал головой:

— Ну-ну, никуда ты сейчас не пойдёшь. На поверхности целая орда одержимых — я их час назад видел. Давай-ка сначала поешь, а потом уже решим, как быть.

Острая боль пронзила спину Кибелы, заставив её резко присесть на корточки и стиснуть зубы.

— Вот видишь? — мягко произнёс Клаус. — Передохни немного. Ты ещё не готова к такому пути.

Кибела подняла на него взгляд, полный отчаяния и тревоги:

— Старик, послушай... Лошади! Мой конь! Ты не видел их?

Клаус растерянно и виновато посмотрел ей в глаза. Смотрел долго. Молчал. Потом медленно перевёл взгляд на мясо, шипящее на костре.

По лицу Кибелы пробежала тень понимания. Она резко выпрямилась, несмотря на боль, и воскликнула:

— Ты... ты что... — её голос дрогнул. — Твою мать! Какой же ты идиот!

Клаус виновато почесал затылок и развёл руками:

— Прости, девочка. Я не хотел.

Кибела сжала кулаки, пытаясь совладать с нахлынувшей яростью и отчаянием. То, что должно было доставить её домой, теперь крутилось на вертеле — в виде ужина сумасшедшего деда.

* * *

— Старик, а ты вообще кто такой? — спросила Кибела, пережёвывая очередную порцию жареной конины. — И что это за место?

Клаус отложил вилку с мясом, и добродушно усмехнулся. Его глаза были маслянистыми в свете костра.

— Я — простой отшельник, живу тут в спокойствии и уединении. Всё, что нужно мне для счастья, — это грибы да тишина. А кстати, как твоё имя? И как ты оказалась в старом городе?

Девушка вытерла рот тыльной стороной ладони и выпрямилась.

— Меня зовут Кибела. Я из Крепости Ветров. Меня направили сюда с миссией — эвакуировать одно из поселений изгоев. Я член Культа Прародительницы.

Клаус замер, вилка с мясом так и повисла в воздухе на полпути ко рту. Он широко выкатил глаза и переспросил:— Эвакуировать? Культ направил?

— А что не так? — настороженно спросила Кибела, чувствуя, как в груди зарождается тревога.

Клаус помялся, почесал бороду и вздохнул. — А... эмм... Эти чёртовы сектанты, прости, Культ Прародительницы, наоборот — поселения уничтожают!

— Ты о чём? Ты бредишь? — Кибела подалась вперёд, непроизвольно стиснув зубы.

Старик покачал головой, взгляд его стал серьёзным — непривычно серьёзным для его вечно весёлого лица. — Да нет же, девочка. Я частенько видел, как эти выродки вырезали и

сжигали целые деревни. Брали пленников, устраивали показательные казни. А потом объявляли, что это, мол, «одержимые напали» или «красная хмарь поразила». И люди верили.

Кибела почувствовала, как кровь отхлынула от лица.

— Следи за языком, старик! Мы спасаем людей, — прокричала она. — Мы защищаем их от Герхарда, от одержимых, от прочей нечисти!

Клаус тяжело вздохнул. — Может, где-то и спасаете. Но я видел слишком много пепелищ с символами Культа на печных трубах. И слишком много «спасённых», которых вели в крепость в кандалах посреди ночи.

«Нет, — мысленно твердила она себе. — Клаус просто сумасшедший. Объялся своих грибов, вот и несёт чушь. Культ спасает людей, даёт им кров, учит выживать. Измаил, Татьяна — они не могут быть злодеями. Они спасли меня!».

Она вспомнила, как Измаил прикрыл её собой в бою, как Татьяна дала ей имя. Вспомнила тренировки, разговоры о надежде на исцеление мира. Всё это не могло быть ложью.

— Старик, — голос Кибелы прозвучал твёрже, чем она себя чувствовала, — ты несёшь бред. Я должна вернуться в крепость. Сейчас же. Мне нужно предупредить их о драконе.

Клаус задумчиво перебрал бусины в бороде, покосился на завал из камней и ржавых конструкций у стены.

— Крепость Ветров, значит? — протянул он. — Я помогу тебе. Эти тоннели хоть и опасны — обвалы, ловушки, да и твари всякие водятся, — но там нет орд одержимых и заражённых зон тоже нет. Они приведут тебя к одному из поселений изгоев, а оттуда до крепости рукой подать. Я проведу тебя коротким путём, не бойся.

Кибела выпрямилась, в глазах вспыхнула искорка надежды.

— Серьёзно? — выдохнула она, чувствуя, как внутри разгорается решимость. — Тогда чего мы ждём? Показывай дорогу!

— Не так быстро, — подмигнул Клаус. — Тот самый ингредиент в мясе, помнишь?

— Какой ещё ингредиент?.. — начала Кибела — и вдруг почувствовала, как мир поплыл. Она осела на пол.

— Грибы, девочка, — радостно объявил Клаус, поправляя шапку с помпоном. — Не простые, а говорящие! Они не просто усыпляют — они дают мудрые советы во сне...

Но не успел он договорить, как девушка уже храпела, распластавшись возле костра.

* * *

Клаус, кряхтя, разгрёб камни и куски проржавевшего металла. В завале открылся тёмный лаз из которого тянуло сыростью и холодом.

— Ну вот, — довольно выдохнул он, отступая на шаг и вытирая лоб рукавом. — Этот тоннель ведёт почти прямо к поселению изгоев.

Кибела подошла ближе, вглядываясь в черноту.

— И ты уверен, что он проходим? — спросила она настороженно.

— О, вполне! — бодро ответил Клаус. — Я тут грибы собирал. Так вот, я по нему ходил не раз. Правда, в последний раз чуть не столкнулся с чем-то большим. Оно шипело и скребло когтями по стенам. Но мы будем осторожны, верно?

Он подмигнул, но Кибела заметила только разозлилась.

-Больше никаких грибов старый болван!- грубо отрезала она.

Они полезли внутрь. Клаус поднял факел и огонь озарил стены тоннеля по которым стекали капли конденсата, и рельсы на земле.

— Держись ближе, — бросил он через плечо. — И если услышишь чего — сразу ко мне.

Они шли минут десять, пока впереди не показалась старая железная дверь с проржавевшими петлями. Клаус толкнул её — та скрипнула и распахнулась, открывая вид на узкий коридор с рядами электрических щитков вдоль стен.

Старик подошёл к одному из них, задумчиво почесал бороду и резко дёрнул рычаг. Где-то вдалеке загудело, заискрило, и несколько ламп на потолке мигнули, разгораясь тусклым жёлтым светом.

— Вот так, — удовлетворённо кивнул Клаус. — Ещё немного магии Потока, и...

Он хлопнул ладонью по корпусу щитка, пробормотал что-то неразборчивое, и в глубине тоннеля что-то загрохотало.

Из темноты выкатилась старая ржавая дрезина, с облупившейся краской, но на удивление целая. На сиденье лежал массивный посох с острым навершием виде пятиконечной звезды.

— Это твоё? — удивлённо спросила Кибела.

— Моё, моё, — гордо подтвердил Клаус. — Я её нашёл пару лет назад, починил, подзапитал Потоком. Она не быстрая, но верная.

Он ловко запрыгнул на дрезину, схватил посох и похлопал по сиденью рядом с собой:

— Садись. Но сначала — предупреждение. В этих тоннелях бродят неведомые твари. Не то одержимые, не то мутанты, не то вообще что-то древнее, что было здесь ещё до хмари. Они не любят свет и шум. Так что будем ехать тихо и быстро.

Кибела молча кивнула и устроилась рядом. Клаус повернул рычаг, транспорт тихо двинулся с места, постепенно набирая ход. Свет от щитка остался позади, и их окружила тьма, лишь изредка прорезаемая тусклыми лампами и отблесками светящихся грибов на стенах.

— Ты и правда сумасшедший.

— О, это мой главный талант! — гордо подтвердил Клаус. — А теперь держись крепче — впереди крутой поворот и участок с повышенной концентрацией светящихся грибов. Будет ярко и немного странно.

* * *

Кибела замерла, вглядываясь в центр зала заброшенной станции. Перед ней возвышалось нечто, от одного вида которого кровь стыла в жилах. «Сплетение» — так мысленно окрестила она это чудовище. Хаотичное сплетение гниющих человеческих конечностей, сросшихся с ржавыми трубами и кабелями, шевелилось, будто дышало. Вместо головы у него был клубок проводов с пульсирующим красным узлом в центре, из трещин в теле сочилась красная хмарь.

— И это ты называешь коротким путём? — с досадой бросила Кибела, материализуя перед собой тяжёлую алебарду.

Клаус, отступив на пару шагов и спрятавшись за дрезиной, почесал бороду: — Ну технически это был короткий путь. До того, как оно здесь поселилось.

Существо медленно поднялось во весь рост. Конечности зашевелились, как щупальца, и оно сделало первый шаг вперёд. Кибела бросилась в сторону, едва увернувшись от размашистого удара рукой-крюком. Лезвие алебарды блеснуло в тусклом свете, врезаясь в переплетение металла и плоти.

— О, смотри, оно танцует! Правда, не очень грациозно — донёсся голос Клауса.

Кибела парировала очередной выпад, отпрыгнула назад и метнулась вбок, уворачиваясь от брошенной ржавой трубы. Чёрный поток жидкости брызнул в сторону — она почувствовала жжение на руке, но не позволила боли отвлечь себя. Взгляд метнулся к красному узлу: он засветился ярче, готовясь к новой атаке.

— Девочка, попробуй ударить вот сюда — кажется, там что-то хрустит! — подбадривал Клаус.

Она рванулась вперёд, вкладывая всю силу в удар по уязвимому месту. Существо взревело — звук вышел скрежещущим, механическим и животным одновременно. Конечности начали отделяться от тела, превращаясь в самостоятельные щупальца с лезвиями на концах.

— Ой-ой, оно разошлось! Малышка, осторожнее — кажется, оно сейчас чихнёт! — продолжал комментировать старик.

Кибела крутанулась, отбивая атаку одной конечности, и тут же нырнула под другую. Ржавые фрагменты летели во все стороны — монстр швырял их, как снаряды. Она прижалась к стене за массивной колонной, переводя дыхание.

— Может, ему просто жарко? — доносилось откуда-то сбоку.

Выждав момент, Кибела выскользнула из укрытия и полоснула клинком по отделяющей конечности. Та дёрнулась и обмякла, но на её месте тут же выросла новая. Красный узел пульсировал всё ярче, почти ослепляя в полутьме.

Существо сделало рывок вперёд, пытаясь схватить её сразу несколькими руками. Кибела увернулась, но одно из щупалец зацепило плечо — боль обожгла, чёрная жидкость попала на кожу, замедляя движения. Она стиснула зубы и ударила в ответ, целясь в узловое ядро.

Монстр отшатнулся, часть конечностей отвалилась. Тело начало распадаться, из трещин вырвались клубы чёрного дыма, заволакивая пространство.

Дымовая завеса окутала зал. Кибела затаилась, прислушиваясь. Где-то в тумане раздался скрежет — монстр готовился к последнему рывку. Она сменила алебарду на цвайхендер, крепче сжала его рукоять и приготовилась.

Внезапно тьма разорвалась — существо бросилось вперёд всей массой, пытаясь раздавить её. Кибела отскочила в последний момент, перекатилась и, используя инерцию, всадила клинок прямо в красный узел.

Раздался пронзительный вой, похожий на скрежет металла и крик человека одновременно. Тело монстра содрогнулось, конечности обмякли и начали отваливаться, осыпаясь ржавыми обломками. Узел треснул, вспыхнул и погас.

Чёрный дым рассеялся. Кибела стояла, пытаясь отдышаться, клинок в её руке мгновенно испарился оставив за собой багровую дымку. Она вытерла пот со лба и повернулась к Клаусу, который осторожно выбирался из своего укрытия.

— Ну, — протянул старик, — прости, его тут раньше не было...

Кибела лишь покачала головой, но в уголках её губ мелькнула усмешка. Она оглядела останки монстра, затем подняла взгляд на туннель впереди. Путь был свободен.

— Пойдём, кретина кусок, — сказала она, — Пока что-нибудь ещё не решило, что это его любимое место для отдыха.

Клаус радостно закивал, поправляя кожаную жилетку: — О, отличная идея! И знаешь что? В следующем тоннеле точно нет никаких монстров. Наверное.

Рельсы продолжали тянуться вперёд, теряясь в глубине мрачного тоннеля, лишь изредка подсвеченного лазурным светом грибов на стенах. Воздух был тяжёлым, а вдалеке слышался глухой стук капель, отбивающих бесконечный ритм в глубине подземелья.

Глава 6. Новый Рай.

Путники продолжали движение. Их незамысловатый транспорт тихо шуршал колёсами по ржавым железнодорожным путям, факел установленный на каркасе дрезины отбрасывал хаотичные тени на влажные стены.

— И куда сейчас? — спросила Кибела, взглядываясь в темноту впереди. — Перед ними появилась развилка.

— Направо. Вроде бы, — ответил Клаус, задумчиво поглаживая бороду. — Или налево? Нет, точно направо! Я помню этот светящийся мох — он как раз растёт на правом повороте.

Кибела скептически подняла бровь, но промолчала. Они повернули направо.

Дрезина катилась вперёд — и катилась, и катилась. Время словно застыло. Кибела начала считать про себя: до ста, потом до двухсот, затем до тысячи, потом до двух тысяч. Стены подземелья казались одинаковыми — те же капли, те же пятна светящихся грибов, те же прогнившие крепления на стенах.

— Эй, — не выдержала Кибела спустя, как ей показалось, целую вечность, — мы едем уже сколько? Час? Два?

— Ну, может, чуть подольше, — беззаботно отозвался старик. — Тоннели тут хитрые, петляют, как угорь в болоте. Зато безопасно! Ни одержимых, ни мутантов, ни...

Он не договорил. Дрезина замедлила ход и остановилась. Впереди, метрах в двадцати, путь преграждала огромная груда камней и ржавых металлических конструкций. Завал выглядел свежим, будто специально кем-то возведённым.

— О, — протянул Клаус, разглядывая препятствие. — Вот это сюрприз.

— Сюрприз?! — Кибела резко повернулась к нему. — Ты говорил, этот путь ведёт к поселению изгоев!

— Ну да, — кивнул Клаус, ничуть не смутившись. — Вёл. Когда-то.. Я не припомню, чтобы тут проход был завален.

— Не переживай, девочка, есть запасной вариант!

— Какой ещё вариант? — насторожилась Кибела.

— Мы можем вернуться и попробовать другой тоннель. Тот, что налево. Я почти уверен, что он тоже куда-то ведёт.

Девушка закрыла лицо руками пытаясь скрыть своё раздражение, затем спрыгнула с дрезины прямо на пути и вытянула перед собой кулак. Мощная волна красной энергии опоясала её руку, сконцентрировавшись в кулаке. Кибела резко рассекла воздух.

Обломки и камни завала разлетелись вдребезги, осыпав Клауса мелкой крошкой и пылью. Звуковая волна прокатилась по тоннелю гулким эхом.

— Едем дальше, — сурово сказала она, грозно посмотрев на спутника.

— Конечно! — отозвался Клаус, стряхивая крошку с бороды и шапки. — Впечатляюще сработано! — Поехали.

Кибела молча заняла своё место. Дрезина тронулась, зашуршав колёсами по рельсам. Факел, хоть и слабо, но осветил расчищенный впереди путь.

Спустя некоторое время в отдалении начал просачиваться тусклый желтоватый свет — не мерцание грибов, а ровное, живое сияние.

Они выехали к очередной станции — но на этот раз перед ними открылась не безжизненная пустота, погребённая под слоями земли и бетона, а оживлённое помещение, напоминавшее небольшой лагерь.

— А это ещё что? — спросила Кибела, взглядываясь в суету вокруг.

— Это местные обитатели, Коротыши, не беспокойся, они дружелюбные. Видимо, они и завалили проход, чтобы защититься от той твари! — ответил Клаус. — Раз мы добрались до них, значит, скоро и твоя остановка, милая.

— Наконец-то, — выдохнула девушка с облегчением.

— Но что-то тут не так, — вдруг нахмурился старик. — Чувствую, что-то не так.

Они подъехали к станции. Карлики с крупными головами суетились вокруг раненых людей, лежавших на матрасах вдоль стен. В углу были аккуратно сложены тела.

Клаус ступил на перрон, и его тут же встретил сухощавый карлик — лидер лагеря. Он был бледен, и заметно нервничал.

— Клаус, какими чертями тебя сюда занесло? — выпалил он. — Грибы! У тебя есть немного? Нужно сварить отвар для раненых! Срочно!

— Что случилось, Бормоглот? — насторожился тот и достал из кармана жилетки всё, что у него было. В этот момент подбежала поветуха и забрав грибы суетливо удалилась прочь.

Бормоглот провёл их вглубь лагеря и заговорил быстро, сбивчиво:

— Отряд кладоискателей наткнулся на группу изгоев в нескольких милях по направлению северного пути. Те едва добрались сюда — все израненные, почти без сил. Мы успели помочь немногим.

Клаус и Кибела переглянулись. Они осмотрели станцию: Коротыши хлопотали вокруг раненых, накладывали повязки, жгуты, поили обезболивающим. В воздухе стоял запах крови и лекарственных зелий.

— Кто это сделал? — резко спросила Кибела, подходя ближе к коротышу.

— Культ, — тихо ответил тот, — они уничтожили их деревню.

Кибела замерла. Недоверие вспыхнуло в её взгляде, но она не стала спорить. Вместо этого она стремительно направилась к одному из раненых — старухе с отсечённой кистью. Девушка опустила рядом, осторожно, но твёрдо взяла женщину за плечи.

— Говори! — приказала Кибела, тряся старуху. — Что с вами произошло? Кто на вас напал?

Женщина с трудом открыла глаза, её зубы стучали от лихорадки. Она сфокусировала взгляд на вопрошающей и прохрипела:

— Они пришли... они обещали эвакуацию... но на рассвете явились... культисты. Сказали, что очищают землю от «заразы». Потом — крики, смерть. Некоторые успели спуститься в подземелья, но.. — её голос сорвался, и она закрыла глаза, тяжело дыша.

Кибела отпустила раненую и выпрямилась. В груди всё сжалось. Она повернулась к Клаусу. В её глазах читалась борьба — вера в Культ столкнулась с очевидной правдой.

— Я обязана разобраться, — твёрдо сказала она. — Я должна знать наверняка! Живо, поехали!

Клаус молча кивнул, бросил быстрый взгляд на Бормоглота и громко произнёс:

— Я проведу её на поверхность и сразу вернусь! У вас тут дел непростор, а я не брошу девочку одну. Да и — он понизил голос, — вскипятите пока чайник...

Бормоглот кивнул, вытер пот со лба и протянул Клаусу небольшой кожаный мешочек:

— Возьми. Тут немного, ну... те самые.

Клаус посмотрел на него серьёзно.

— Откуда это у тебя? Ни за что!

— Возьми, это просьба друга, — ответил старый коротыш.

* * *

Дрезина медленно подкатила к следующей станции. Рельсы здесь обрывались у массивной треснувшей стены.

— Вот он, — тихо произнёс Клаус. — Старый аварийный выход. Но я ни разу им не пользовался.

Он сошёл с дрезины и подошёл к трещине. В проёме виднелись каменные ступени, уходящие вверх. Оттуда доносился отдалённый гул ветра и свежий воздух.

Он присел, взгляделся в щель и провёл рукой по краю трещины:

— Пролезем, но тесновато будет. Ты первая, я следом. Только осторожно — ступени старые, могут крошиться.

Кибела кивнула, втянула живот и попыталась протиснуться в щель. Камни царапнули по плечу, пришлось развернуться боком. Она упёрлась ногой в выступ, подтянулась и наконец оказалась по ту сторону стены.

— Готово! — бросила она, оборачиваясь. — Давай, старик, твоя очередь.

— Хватит называть меня стариком! Мне всего двадцать четыре! — рассердился он.

— Что? Мне двадцать четыре! — Кибела язвительно рассмеялась. — Ты себя в зеркале видел?!

Клаус только поморщился, сложил руки на животе, глубоко вдохнул, будто собирался нырять, и начал протискиваться в щель. Сначала прошла голова, затем плечи. На уровне пуза дело застопорилось.

— Давай, толстяк, я тебя поддержу!

Она протянула руку, ухватила его за жилетку и со всей силы дёрнула на себя. Клаус крикнул и вылетел из лаза, чуть не кувыркнувшись на ступени.

— Фух! — он отряхнулся, поправил шапку и гордо заявил: — Видела? Чистое мастерство!

— Ты серьёзно? — сказала она, закрыв лицо рукой. — Пошли уже.

Кибела первой шагнула на ступеньку и начала осторожно подниматься. Клаус последовал за ней, бормоча что-то про «правильную походку по древним лестницам».

Воздух становился свежее, ветер усиливался, неся с собой запахи травы и сырой земли.

Наконец лестница закончилась. Кибела упёрлась руками в тяжёлую металлическую плиту над головой, нащупала рычаг и потянула. Плита с протяжным скрипом сдвинулась в сторону, открыв вид на голубое небо.

Она подняла взгляд. Вдалеке, на фоне алого заката, чётко вырисовывались башни Крепости Ветров.

— Ну вот, — тихо произнёс он, — ты почти дома, девочка.

— Ага, — сухо ответила она и сделала шаг вперёд, затем медленно повернула голову к старику. — Эмм... Клаус... Спасибо. Прощай.

Она сделала рывок и бросилась в направлении крепости.

— Прощай, — прошептал Клаус себе под нос, глядя ей вслед.

Он стоял, засунув руки в карманы жилетки, и смотрел, как фигура Кибелы исчезает вдали. Ветер шевелил его седую бороду, шапка с помпоном чуть съехала набок, но он не замечал этого.

В его мыслях крутился монолог: *«Она ушла? Как жаль. Вот так ушла и всё. Что ж, это было весёлое приключение. Дикое, опасное, местами безумное — но такое настоящее»*.

* * *

Солнце стояло в зените, заливая главную площадь ослепительным светом.

— Всё идёт по плану, — произнесла Татьяна. — Скоро мы подчиним себе волю всех порождений красной хмари.

Измаил, облокотившись на перила парадного балкона, хмуро смотрел вниз. Он постукивал костяшками пальцев по камню.

— Да, мы уже победили. Но что дальше? Даже если остановим всё зло и одолеем хмарь, рано или поздно человечество продолжит истреблять друг друга. Всегда так было и будет. Войны вспыхнут заново, страдания возобновятся.

Татьяна повернулась к Измаилу, её глаза засверкали.

— Именно поэтому нужно действовать радикально. Люди не способны измениться сами. Они никогда не научатся жить в мире. Но теперь у нас есть сила, чтобы это исправить. Благодаря Елене — она перевела взгляд на «Чистую», — весь мир падёт ниц перед властью чёрной хмари, что заставит жить их праведно. Это не болезнь, нет, не зараза — это эволюция, понимаешь, Измаил? Мы с тобой обязаны взять на себя роль Мессий, Судей — до тех пор, пока не явится Прародительница!

— Чёрная хмарь? Ты понимаешь, что это значит? Это не контроль — это уничтожение. Она не различает правых и виноватых. Целые города, народы...

— И это хорошо, — перебила его Татьяна. — Никаких больше «правых» и «виноватых». Только те, кто готов служить новому миру. Чёрная хмарь очистит землю от слабости и хаоса. Слабые погибнут, сильные выживут. Те, кто достоин жить в новом мире, — Чистые.

Елена слегка повернула голову, будто впервые проявив интерес к разговору. Её голос, тихий и мелодичный, прозвучал неожиданно:

— А если найдутся те, кого мы не сможем заставить подчиниться? Если появятся люди, что восстанут против вашей воли?

Татьяна усмехнулась:

— Тогда они станут примером для остальных. Страх — лучший учитель.

Измаил сжал перила:

— Ты говоришь о тотальном контроле, о геноциде. Это не спасение — это тирания.

— Мы станем выше этого, — твёрдо ответила Татьяна. — Выше морали, выше сомнений. Мы создадим мир, где не будет места страданиям. Да, цена высока. Но разве не за это мы сражались? Разве не ради этого жертвовали всем? Очнись, Измаил: люди сотни лет умирали от проклятой заразы, и теперь у нас есть шанс уничтожить её! Улучшенная версия хмари нейтрализует изначальную заразу и даёт контроль над заражёнными! Ты сам видел это в поселении изгоев! Они... они были полностью подконтрольны Елене. Все те, кто не достоин стать Чистым станут теми, кто беспрекословно будет служить на благо высшей цели!

Она повернулась к Чистой:

— Ты — ключ. Твоя сила — основа нашего нового порядка. С твоей помощью мы создадим армию таких, как ты. Ван уже изобрёл из твоей крови вакцину против красной хмари. Мы положим ей конец! И Алый Поток... Чистые контролируют его силу гораздо лучше операторов!

Измаил долго молчал, глядя на город внизу. Солнце начало клониться к западу, отбрасывая длинные тени. Наконец он тихо произнёс:

— Если мы пойдём по этому пути, мы можем потерять самих себя. И тогда уже не останется никого, кто сможет нас остановить.

Татьяна лишь улыбнулась — холодно и уверенно:

— Иногда, чтобы спасти мир, нужно стать его кошмаром. И я готова взять эту ношу на себя.

Елена посмотрела на солнце, затем на город, потом на Татьяну. В её глазах мелькнуло что-то неуловимое, похожее на понимание. Но она ничего не сказала.

Татьяна сделала шаг вперёд, к самому краю балкона, раскинула руки, словно желая обнять весь мир. Её голос, усиленный какой-то едва уловимой магией Алого Потока, разнёсся над площадью, достигая самых дальних уголков:

— А теперь возвестим же человечество о спасении! — она обратилась к толпе внизу. — Люди, внимайте же! Наступает новая эра! Красная хмарь отступает благодаря нашим общим усилиям! Человек возвысится в своей природе!

Толпа замерла на мгновение — и тут же взорвалась ликующими криками. Люди поднимали руки, некоторые падали на колени в благоговении, кто то прыгал кружась в бесноватом танце.

— Нарекаю Крепость Ветров Новым Раем! — продолжала Татьяна, её глаза блестели от важности момента. — Рай на земле уже здесь и сейчас! Больше не будет страданий, не будет страха перед заразой, перед тварями и одержимыми! Мы создадим мир, где каждый найдёт своё место, где сила станет не проклятием, а благословением!

Она подняла руку, призывая к тишине, но люди всё ещё перешёптывались, восторженно аплодировали, передавали слова дальше тем, кто стоял позади. Когда гул немного стих, Татьяна заговорила вновь, её голос зазвучал проникновенно, медитативно, молитвенно:

— Те, кто верил, — получают награду. Те, кто сомневался, — увидят истину. Те, кто сопротивлялся, — поймут нашу правоту. Мы построим город света, где Алый Поток будет питать наши души, защищать нас от скверны!

Измаил стоял чуть позади, наблюдая за происходящим. Его лицо оставалось непроницаемым, но в глубине души его мучила тревога. Елена, стоявшая рядом, молча смотрела на толпу не проявляя никаких эмоций.

— Пусть каждый знает: отныне мы — не просто служители! — провозгласила Татьяна. — Мы — первые граждане Нового Рая! И мы принесём это спасение всему миру! От моря до гор, от пустыни до лесов — повсюду воссияет свет Прародительницы!

— Слава! — вдруг выкрикнул кто-то из толпы.

— Слава Прародительнице! — подхватили сотни голосов.

— Слава Лидеру! — раздалось с другой стороны.

— Новый Рай! Новый Рай! — скандировали люди, поднимая руки к балкону.

Аплодисменты гремели, сливаясь в единый гул. Люди прыгали от радости, утирали слёзы, а солдаты потрясали оружием в знак присяги.

Татьяна улыбнулась так широко, как могла, улыбка её была искренней, почти материнской. Она склонила голову в благодарном поклоне, затем снова выпрямилась во весь рост:

— Да будет так! С этого дня начинается летосчисление Новой Эпохи! Пусть каждый запомнит этот час — час, когда человечество сделало первый шаг к своему истинному предназначению!

Ликование толпы достигло апогея. Люди обнимались, целовались, поднимали на плечи детей, чтобы те тоже увидели своих спасителей наверху. Воздух преисполнился дымом праздничных костров, уже разгоравшихся на дальних улицах, а в алом закатном небосводе уже восходила багряная полная Луна, ознаменовывая начало новых времён на Земле.

Глава 7. Новый мир, старые раны.

Кибела мчалась сквозь лесную чащу, ломая ветки и спотыкаясь о корни. Не было слышно ни птичьих трелей, ни шороха зверей. Только её тяжёлое дыхание и хруст сучьев под ногами нарушали мёртвую тишину.

Когда деревья расступились, перед ней открылась опушка на которой догорали последние угли деревни.

Поселение изгоев лежало в руинах. Обугленные каркасы незамысловатых изб стояли словно памятники тем, кто недавно тут погиб. В воздухе висел густой смрад разлагающихся тел и гари.

Трупы лежали повсюду: у порогов домов, на тропинках, посреди площади. Погибшие застыли в причудливых позах: кто-то свернулся в клубок, кто-то распластался на земле раскинув руки и ноги в стороны, а некоторые умерли прямо на четвереньках, будто замерев в молитвенном действии.

Но самое страшное было в том, как они погибли.

Кибела шагнула ближе, запах резко ударил в нос. У многих мертвецов были разорваны глотки и животы. На земле — лужи свернувшейся крови, перемешанной с грязью. Рядом валялись куски мяса, обрывки одежды, обглоданные конечности.

Одна женщина лежала лицом вниз, её голова была забита до состояния кашицы. Рядом — ребёнок лет пяти, вцепившийся мёртвыми пальцами в подол её платья. У другого тела отсутствовала половина лица, обнажая раздробленные зубы.

Девушка подошла к ближайшему трупу — мужчине средних лет. Его рот был широко раскрыт в последнем крике, губы изодраны, будто он грыз что-то — или кого-то. На подбородке засохли кровавые подтёки, смешанные с клочьями ткани.

Она перевела взгляд на его руки. Чёрные вены отчётливо проступали под кожей, ветвясь, как гнилые корни. Они тянулись от запястий к предплечьям, уходили под разорванную рубаху.

«Красная хмарь? Нет явно чтото другое», — подумала Кибела.

В стороне, у колодца, лежало ещё несколько тел. Двое взрослых и подросток. Их позы говорили о том, что они боролись. У юноши на шее виднелись следы укусов, кожа разодрана, а кадык был вырван.

Воздух дрогнул от резкого звука — где-то в глубине деревни что-то хрустнуло, словно сломалась кость. Кибела вздрогнула, приготовившись к обороне. Тишина. Только ветер шевелил пепел и ворошил обрывки ткани.

Она сделала несколько шагов вперёд, разглядывая изуродованные тела. В голове всплыли слова выжившей из подземелья: *«Культ обещал эвакуацию... А потом пришёл и сделал это...»*.

Она подняла взгляд к небу. Алый закат окрашивал руины в кровавые тона. Где-то вдали, за лесом, виднелись башни Крепости Ветров — место, которое она считала домом.

Теперь оно казалось ей чуждым. Опасным.

Внутри закипала ярость. Кибела должна была узнать правду.

* * *

Она бежала со всех ног, не сбавляя темпа даже на подъёме холма. Башни, ещё недавно казавшиеся символом защиты, теперь нависали над ней, словно угрожая. Ворота были закрыты — массивные, окованные железом.

Она остановилась в десятке шагов от ворот, тяжело дыша. Грудь разрывалась от боли. Перед глазами всплыли воспоминания, яркие, как наяву.

Она вспомнила первую встречу с Татьяной. В тот день, когда её впервые привезли в церковь. Женщина опустилась перед ней на корточки, вытерла слёзы с грязного лица и сказала:

«Ну-ну, всё позади. Теперь ты в безопасности. Мы защитим тебя, дитя.». Тогда Кибела впервые за долгое время почувствовала, что о ней кто-то заботится.

А вот Исмаил, который однажды застал её плачущей в углу, после издёвок сверстников, когда она упала в лужу споткнувшись о камень. Он тогда молча принёс кружку чая, сел рядом и рассказал дурацкую историю про то, как сам в юности упал в выгребную яму на глазах девушки, в которую был влюблён. Кибела тогда впервые засмеялась за много месяцев.

Вспомнились и другие моменты: как сёстры по Культу научили её шить, и первая самодельная рубашка получилась кривой, но её все хвалили; как братья показали, где в саду растут самые сладкие яблоки; как по вечерам у очага кто-то играл на флейте, а остальные подпевали — нестройно, но весело.

Однажды зимой, когда ей не хватило тёплой одежды, Татьяна незаметно подложила в её шкаф вязаные носки и шарф с варежками. А Исмаил как-то поймал её за тем, что она тайком отдаёт половину своего ужина местному сумасшедшему старику, что жил в келье. Над ним все издевались. Но вместо наказания Исмаил принёс ещё порцию: «Ему тоже нужно есть. И тебе, кстати, тоже».

Кибела помнила, как впервые села за общий стол — её посадили в центре, налили двойной порции супа и подкладывали лучшие куски, пока она не покраснела от смущения. Помнила, как кто-то из старших сестёр заплела ей волосы в косу, показав три разных способа, чтобы не расплеталось во время тренировок. Помнила запах свежеспеченных лепёшек по утрам и то, как все делились последним, если кто-то оставался без еды.

«Нет, — мысленно твердила Кибела. — Этого не может быть. Они не могли. Не Татьяна, не Исмаил. Они не стали бы уничтожать изгоев, не стали бы лгать».

— Откройте! — закричала она, ударив кулаком по воротам. — Это я! Мне нужно срочно увидеть лидеров! Где они?!

Молчание. Лишь скрип механизмов да перешёптывание за стенами.

— Я всё знаю! — её голос сорвался на крик. — Я видела деревню изгоев! Мне нужно знать правду! Откройте, или я сама снесу эти ворота!

За стеной пронёсся гулкий голос: — Предательница! Ты перешла на сторону Герхарда! В атаку!

— Что происходит?! — закричала она.

Но ответа не последовало. Вместо этого ворота со скрипом приоткрылись, и из них хлынула армия солдат — в тяжёлой броне, с ружьями наперевес, и копьями, нацеленными вперёд.

— Ликвидировать цель! — донёсся приказ.

Кибела отпрыгнула не несколько метров сосредоточив энергию Потока в ногах.

Первый залп грянул, как гром. Пули засвистели в воздухе, высекая искры из камней у её ног. Кибела вскинула руку — перед ней вспыхнул алый барьер. Дробь ударялась о щит с глухими хлопками, осыпаясь на землю раскалёнными каплями.

— Что? Что вы творите?! — заорала она и рванулась вперёд. Первый солдат, замахнувшийся копьём, получил удар в лицо — кулак, окутанный красным огнём, сломал ему нос и отбросил на товарищ. Второй попытался выстрелить в упор — Кибела перехватила его руку, вывернула, и ружьё треснуло пополам. Солдат вскрикнул, но не успел отпрянуть: её колено врезалось ему в живот, отбивая внутренности.

Третий нанёс колющий удар копьём. Кибела увернулась, схватила древко, дёрнула на себя — солдат потерял равновесие, и она впечатала его лицом в землю. Ещё один замахнулся мечом — она успела увернуться, крутанулась, и её локоть врезался ему в висок.

В её сторону бежал очередной воин, сжимая в руках короткий меч. Кибела узнала в его лице Марину. Ту самую, что заботилась о ней в моменты, когда она болела. Они часто гуляли вместе по городу тёплыми вечерами сплетничая о мальчиках. Её добрая улыбка всегда согр-

вала Кибелу и придавала ей надежду. надежду на то, что пока существуют добрые люди, этот мир не растворится в пучинах ада.

Но в этот раз лицо Марины искажала гримаса ярости, её глаза горели фанатичным огнём, а из сжатых челюстей доносился озлобленный рёв.

— Марина?! — Кибела замерла на мгновение. — Очнись! Это же я!

Но та не слушала. Взмах меча — Кибела едва успела отклониться. Лезвие чиркнуло по плечу, оставив неглубокую рану.

— Ты предала Култ! — выкрикнула Марина. — Ты — зараза, которую нужно истребить!

—Что ты несёшь? Кто наговорил тебе такое? Я бы никогда...

Но она лишь бросилась снова. Кибела заблокировала удар, схватила её за запястье, попыталась вывернуть меч. Но Марина была быстрой. Она рванулась вперёд, вцепилась зубами в руку Кибелы. Боль обожгла кожу. В этот момент она всмотрелась в лицо девушки. Под кожей просачивались чёрные вены, а глаза заливала кровь.

-Что это?- подумала она.- Одержимая?

Она схватила Марину за волосы, резко дёрнула назад, обнажая горло. Её кулак, окутанный алым пламенем, врезался в грудь девушки. Хруст. Крик оборвался на полувдохе. Марина обмякла, оседая на землю. Из уголка рта потекла струйка крови.

На мгновение Кибела застыла глядя на воинов. Каждый из был похож на одержимых красной хмарью. Но что-то их отличало от обычных монстров. Они были в сознании, но воля их была подавлена, словно кто-то управлял ими как марионетками.

Кибела поняла, что Култ затеял что-то страшное. Внутри неё что-то лопнуло.

Смех вырвался из груди — громкий, безумный, ликующий. Она подняла голову, и её глаза сверкнули алым.

— Да! — закричала она, раскинув руки. — Идите сюда! Все идите!

Они бросились на неё снова.

Кибела больше не защищалась — она атаковала.

В её руке вспыхнула сияющая алая алебарда. Удар — череп одного из врагов треснул напополам, солдат упал на землю распластав руки. Другой замахнулся копьём — она схватила древко, рванула на себя, и, когда он потерял равновесие, ударила коленом в пах. Следующий попытался выстрелить — она вонзила остриё алебарды ему в живот и резко дёрнула вверх рассекая тело на две половины.

Она крутилась в этом аду, как вихрь. Брызги крови летели во все стороны, смешиваясь с пылью. Она на ходу меняла оружие подстраиваясь под обстоятельства. Её кулаки ломали кости, цвайхендер рассекал напополам, обнажая внутренности, алебарда отсекала головы, орошая её кровавыми фонтанами, кинжалы вспарывали шеи.

Один солдат упал на колени потеряв равновесие и выронил оружие. Он смотрел на Кибелу залитыми кровью глазами.

Девушка наклонилась к нему, её улыбка была шире, чем лезвие ножа.— Умри. — прошептала она. — всунула руку ему в рот и резко дёрнула вниз. Челюсть оторвалась от головы и лишь язык болтался на воздухе. Она рассмеялась ещё громче и воткнула кинжал ему в темя.

Она выпрямилась, тяжело дыша. Вокруг лежали десятки тел. Кто-то ещё стонал истекая кровью, а кто-то уже не двигался. Кровь пропитала землю, образовав тёмное болото.

Смех снова вырвался из её груди — низкий, хриплый, безумный. Она запрокинула голову к небу, и крик прорвался сквозь смех:

— Вот ваша правда, Култ! Вот ваш новый мир к которому вы стремились!

Ветер трепал её чёрные волосы, пахнувшие дымом и железом. Алый Поток пульсировал в венах, требуя ещё. Больше. Сильнее. Жёстче.

Кибела опустила взгляд на свои руки — они дрожали, но не от страха. От восторга. От радости переполнявшей её сердце.

— Кто следующий? — прошептала она, и её глаза вспыхнули ярче прежнего.

В этот момент словно из ниоткуда появилась Татьяна.

— Всё кончено, дитя, — сказала она. — Ты выполнила свою миссию: твоя кровь породила новую веху в истории человечества. А теперь от тебя нужно избавиться! — Она оскалилась в улыбке.

Кибела посмотрела на неё широко распахнутыми глазами и прошептала:

— Ты... зачем?

— Что — зачем? — улыбнулась женщина. — Мы же всё-таки мир спасаем. Я не считаю, что цена слишком высока. Все эти смерти, включая и твою, — лишь статистика на фоне перемен, которые грядут под моим началом!

— Прародительница! Она... она бы не одобрила!

— К чёрту Прародительницу! — засмеялась женщина. — Религия, культы, легенды — это лишь подспорье, позволяющее объединить людей вокруг идеи! И цель этого такова, что я построю новый мир! Без войн! Без страданий! Несправедливость перестанет существовать в обществе как само собой разумеющееся!

— Ты сошла с ума! Где Измаил?!

— Измаил? Ха-ха. Этот увалень ещё поутру отдал концы. Он начал противиться нашему замыслу. Плаху сейчас как раз отмывают от остатков его крови...

— Сука! — заорала Кибела и рванула в сторону Татьяны. В её руке уже пылало лезвие.

Удар. Кибела отлетела на десяток метров.

— Что-о?! — выдохнула она и начала кашлять кровью. В глазах всё почернело, дышать было больно.

— Отлично, Елена! Ты как раз вовремя! — сказала Татьяна женщине, что ударила Кибелу ногой в грудь. — И твоё эффектное появление очаровывает! А стены-то высокие здесь. Но приземлилась ты мягко, ха-ха.

— А это ещё что за... — протянула Кибела, сплёвывая кровь.

— Знакомься, девочка. Это Елена, «Чистая», твоё наследие, твоя кровь, твоя вина.

— Кровь... моя...

И тут в голове Кибелы сложился весь пазл.

— Именно! Уже догадалась? — Татьяна рассмеялась. — Мне была нужна кровь оператора — твоя кровь, Кибела! Благодаря тебе нам удалось создать новую форму жизни, что по могуществу превосходит любого оператора, когда-либо существовавшего. «Чистые», — сказала она, — носители твоей крови, что могут контролировать чёрную хмарь и Алый Поток. Всё человечество скоро будет под моим контролем! Я сотру волю каждого, чтобы создать идеальный порядок!

— Чёрная хмарь?..

— А теперь ты умрёшь! Елена, в бой!

В один миг Чистая очутилась возле Кибелы. Она взмахнула рукой, и в её ладони материализовался чёрный изогнутый клинок. Она вознесла его над поражённой и резко опустила.

Кибела перекатилась и сосредоточила всю энергию в ногах. Она выпрямилась, и теперь в её руках были два ножа.

— А ты быстрая. Посмотрим, на что ты ещё способна, — бросила она Елене. — Максимальная скорость! — крикнула Кибела и ринулась на противника.

Мир вокруг смазался. Кибела рванулась вперёд — ножи в руках мерцали алым блеском. Елена исчезла с прежнего места за долю секунды, словно растворившись в воздухе.

Кибела резко развернулась, чувствуя движение за спиной. Лезвие танто просвистело в сантиметре от её шеи. Она отпрыгнула, перекатилась, вскочила на ноги — и снова бросилась в атаку.

Их движения слились в вихрь стали и теней. Клинки сталкивались с металлическим звоном, высекая искры. Кибела била быстро, резко, с отточенной яростью: один нож отвлекал, второй искал брешь в защите. Елена парировала с холодной точностью, её клинок мелькал перед глазами, как чёрная молния.

Разворот — удар слева. Кибела едва успела увернуться и тут же нырнула под руку противника, нанося колющий выпад в бок. Елена отскочила и приготовилась к новой атаке.

Кибела бросилась вперёд, нанося серию быстрых ударов — раз, два, три! Лезвия свистели, разрезая воздух. Елена отклонилась и, уворачиваясь, скользнула в сторону с нереальной скоростью. Её ответный выпад — молниеносный и точный — заставил Кибелу отпрыгнуть на несколько метров.

Они кружили по земле, то сближаясь, то отскакивая друг от друга. Каждый шаг, каждый поворот были просчитаны, каждое движение — отточено до автоматизма. Кибела чувствовала, как пот стекает на глаза вызывая жжение, как болит в груди от напряжения, но адреналин гнал вперёд.

«Чистая» сделала обманный манёвр — шаг влево, взгляд вправо — и рванулась прямо вперёд. Танто блеснул в свете солнца, целясь в плечо. Кибела не успела парировать атаку, и лезвие врага скользнуло по подмышке, касаясь плоти. Острая, разрывающая боль пронзила плечо. Она закричала — звук получился хриплым, надрывным.

Левая рука безжизненно повисла, из обрубка хлынула кровь, заливая рукав.

Кибела пошатнулась, но устояла на ногах. Она резко оторвала отсечённую руку, что уже свисала на одной лишь коже. В глазах всё почернело от боли, но враг уже мчался в её сторону, чтобы добить. Она отвернула взгляд. «Сильна... сейчас я умру?», — думала она.

Внезапный удар — глухой, мощный, сотрясший землю. Елена отлетела в сторону, врезалась в стену и сползла по ней, на мгновение потеряв ориентацию.

— А?.. — произнесла Кибела в изумлении, не веря своим глазам.

Перед ней стоял толстый старик в нелепой БДСМ-жилетке и с дурацким посохом в руках. Его шапка с помпоном съехала набок, а борода торчала клочьями.

— Клаус?! — крикнула Кибела. — Нет! Убегай!

— Я не смог бросить тебя, девочка, — спокойно ответил старик. — Да и грибы, что дал мне Бормоглот, кажется, уже начинают действовать!

— Какие ещё, к чёрту, грибы, идиот?! — визжала Кибела, тяжело дыша от боли и напряжения. — Спасайся!

— Не в этот раз, — твёрдо проговорил Клаус, выпрямившись во весь рост.

Елена, оправившись от удара, бросилась на Клауса, заноса клинок для смертельного удара. Но старик не сдвинулся с места.

Его тело начало резко трансформироваться. Жировые складки на животе и руках стали втягиваться, словно поглощаемые изнутри. Кожа разгладилась, морщины исчезли, оставив после себя гладкую, упругую поверхность. Кости хрустнули, меняя структуру: плечи расширились, спина выпрямилась, руки удлинились, приобретая рельеф мощных мышц. Седая борода и волосы потемнели, стали густыми и блестящими. Лицо заострилось — исчезли мешки под глазами, нос стал прямым, взгляд — острым и решительным.

Через несколько мгновений вместо неуклюжего толстого деда перед Кибелой стоял мускулистый молодой мужчина с суровым, волевым лицом и глазами, горящими внутренним огнём. В его облике читалась невероятная сила.

— Что за... — выдохнула Кибела, широко раскрыв глаза.

Елена, не теряя времени, прыгнула на него, заноса танто над головой. Клаус не уклонился — он сжал кулак, объятый багровым пламенем, и с силой ударил в воздух. Ударная волна, похожая на невидимую стену, отбросила «Чистую» на десяток метров. Она упала на колени, бляя чёрной кровью.

— Не думал я, что снова до этого дойдёт... моя спокойная жизнь... — прошептал Клаус.

Елена быстро оправилась и запрокинула голову к небу издав пронзительный крик — не человеческий, а скорее звериный, похожий на фальшивую песнь, рвущую пространство. Звук вибрировал в воздухе, заставляя землю дрожать под ногами. В тот же миг в небесах над крепостью закружился огромный рой из сотен разлагающихся виверн, затмевая собой солнечный свет. Их чешуя шелушилась, обнажая гнилую плоть, крылья трепетали, издавая скрежет. Ядовитое дыхание чудовищ пропитывало воздух, наполняя его смрадом разложения и предвещая смерть.

Елена указала пальцем на Клауса и Кибелу. Вся стая, повинувшись приказу, начала пикировать в их сторону — когти вытянуты, пасти разинуты, готовые разорвать добычу на куски.

— Это... это конец! — вскрикнула Кибела, чувствуя, как страх сковывает её тело.

— Не бойся, — спокойно произнёс Клаус, повернувшись к ней. В его голосе звучала уверенность, которой раньше она в нём не замечала.

Он вытянул два пальца перед своим лицом, сосредоточился и чётко, размеренно произнёс:

— Стих второй. Рождественское чудо!

Звезда упала, шёпот ветров:
«Родился тот, кто сменит основ».
Не будет больше цепей и теней,
Мир обновится под властью огней.

Слова эхом разнеслись по округе, и воздух заискрился золотистыми всполохами. Свет нарастал, сплетаясь в защитный купол — виверны, налетевшие на барьер, зашипели и отпрянули, кружа над головами, но не решаясь атаковать.

Клаус воздел посох к небу и громогласно произнёс:

— Рудольф!

В тот же миг пространство над крепостью дрогнуло. Из мерцающего разрыва в воздухе, словно из завесы тумана, появился дракон. Он был величественен: белоснежная шерсть, переливающаяся синеватым отблеском, как иней на утренней траве; мощные крылья, покрытые густым шелковистым мехом; на голове — ветвистые олени рога, отливающие перламутровым блеском. Его глаза светились мягким, успокаивающим светом, а дыхание оставляло за собой шлейф морозного пара.

Дракон плавно опустился перед Клаусом, слегка склонил голову, будто приветствуя.

— Пора, — коротко бросил Клаус. Он ловко запрыгнул на спину дракона, протянул руку Кибеле. — Хватайся, девочка! Держись крепче!

Кибела, преодолевая боль, ухватилась за мех дракона. В тот же миг Рудольф мощно взмахнул крыльями. Земля дрогнула, камни посыпались с крепостных стен.

Они взмыли в небо. Ветер свистел в ушах, холодный воздух обжигал лицо, но Кибела чувствовала, как напряжение понемногу отпускает. Она оглянулась: внизу, у стен крепости, Татьяна в ярости била кулаком по камню, а Елена смотрела им вслед с абсолютным безразличием.

— Да кто ты, мать твою, такой... старик! И куда мы летим? — крикнула Кибела сквозь шум ветра.

— Вопросы потом. Сейчас нужно убраться подальше отсюда, — отозвался Клаус, крепче сжимая посох. — Рудольф не сможет сражаться сейчас. А мне нужна передышка.

Дракон набирал высоту, оставляя позади крепость, виверн и ложь, в которой жил Культ. Впереди Кибелу ждали новые испытания, но теперь у неё был шанс — и союзник, которого она никак не ожидала увидеть.

Глава 8